ИСТОРИЯ ЛОГИКИ И "УНИВЕРСИТЕТСКОЙ" ФИЛОСОФИИ В РОССИИ. ВЗГЛЯД ИЗ КАЗАНИ.

В.А.БАЖАНОВ

Доктор философских наук, профессор
аав. Кафедра Философии
филиал Московского университета в Ульяновске,
декан гуманитарного факультета.
Почт. адрес: 432063 Ульяновск-63, А.Я. 1602, Россия

e-mail: adm@adm.univ.simbirsk.su

Пройдут века, новые и новые поколения людей будут собираться в день 5 ноября в стенах Казанского Университета; быть может изменятся и строй, и обстановка жизни человечества; - станет ли оно счастливее или несчастнее, - но пока будет стоять мир таков, каким он был и есть в течение последних сорока веков, пока человечество не спустится ниже той степени умственного развития, но которой была уже однажды его часть за эти сорок веков - в нем не угаснет вера в великое назначение науки, в ее могучую роль в нашей жизни; не исчезнет и то чувство, и та идея, и то стремление, которые собрали нас сегодня здесь: это чувство - глубокое уважение к науке и просвещению, это идея - в том, что наука есть могущественное средство постичь разлитыево всей вселенной Гармонию, Красоту и Премудрость; это стремление - стремление к Истине!

(Гольдгаммер Д.А. Наши сведения об эфи-ре//Годичный акт в императорском Казанском университете 5 ноября 1890 г. Казань, 1890. С. 85). -- 5 ноября - день открытия Казанского университета.

АННОТАЦИЯ. На основе ранее не введенных в научный оборот архивных материалов в работе воспроизводится концептуальная и социальная история "университетской" философии и логики в России (XIX - середина XX в.). При этом основной акцент делается на тех особенностях русской философии и логики, которые были присущи мыслителям - философам и логикам - Казани.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение
"Силлогизм Запада" и русская логико-философская традиция

Логика и философия под "опекой" государства Российского
Карьера логика и философа (на примере Н.А. Васильева)
Некоторые особенности "университетской" философии
Два направления в логике
Антропологизм и психологизм в русской логике и философии
Эмпиризм и анализ философии И. Канта в судьбе казанской логики
Начало атомно-компьютерного века
После октябрьский "философицид"
После 1922 года: панорама событий

ABSTRACT. *History of logic and "university" philosophy in Russia. The view from Kazan.* On the basis of investigations of archival materials a picture is given of the conceptual and social history of "university" philosophy and logic in Russia (nineteenth to mid-twentieth centuries). Emphasis is placed on those features of Russian philosophy and logic which were characteristic of the thinkers – philosophers and logicians – of Kazan.

CONTENTS

Introduction
The "Syllogism of the West" and the Russian logico-philosophical tradition
Logic and philosophy under the "tutelage" of the Russian State
The career of logic and philosophy (in the example of N.A. Vasil'ev)
Some perculiarities of "university" philosophy
Two approaches in logic
Anthropologism and psychologism in Russian logic and philosophy
Empiricism and the analysis of the philosophy of I. Kant in the fate of Kazan logic
The beginning of the atomic-computer century
The post-Octobrist "philosophicid"
After 1992: panorama of events

AMS (MOS) 1991 subject classifications: 03-03; 01A55 - 01A60, 01A65, 01A72, 01A73, 01A74, 01A80, 03A05

ВВЕДЕНИЕ.

В историческом развитии философии в России можно выделить два направления, сосуществовавшие как бы параллельно и в значительной мере обособленно. Одно из них может быть условно названо РЕЛИГИОЗНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ, и именно к нему приковано внимание в последние годы (В.С.Соловьев, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, В.В. Розанов, В.И. Несмелов и др.). Другое, которое относится к т.н. "УНИВЕРСИТЕТСКОЙ" философии, было сосредоточено на вопросах логики, гносеологии, философии природы и отчасти психологии, представляло собой также мощное интеллектуальное движение достаточно близкое по своим концептуальным основаниям к западно-европейской (а позже и американской)

философии и находившейся в постоянном своеобразном диалоге с последней. Ныне об идеях и представителях этого направления, которое условно можно назвать ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИМ, вспоминают нечасто. Между тем такое положение в определенной степени искажает реальную картину развития философии в России и задачей настоящей работы является анализ того раздела русской философии, который развивался мыслителями логико-гносеологического направления, творившими в Казани и занимавшимися, в частности, проблемами логики. Особенности их логического и философского творчества будут рассмотрены в контексте истории философии в России вообще и сквозь призму специфики философской мысли в Казани в частности.

"СИЛЛОГИЗМ ЗАПАДА" И РУССКАЯ ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ.

Человек, который может считаться своего рода предтечей религиозно-антропологического направления философской мысли в России П.Я. Чаадаев как бы выражал кредо этого направления в следующих словах. Сравнивая народ России с европейскими народами, П.Я. Чаадаев в первом из своих "Философических писем" отмечал, что "народ этот (т.е. Российский - В.Б.) не в силах сосредоточить своей мысли ни на каком ряде идей, которые постепенно развертывались в обществе и понемногу вытекали одна из другой, когда все его участие в общем движении человеческого разума сводит-ся к слепому, поверхностному, очень часто бестолковому подражанию другим народам. Вот почему...ВСЕМ нам не хватает какой-то устойчивости, КАКОЙ-ТО ЛОГИКИ...СИЛЛОГИЗМ ЗАПАДА НАМ ЧУЖД (выделено мною - В.Б.)" [1, с. 22-23]. Вряд ли можно с высоты XX века согласиться с утверждением, что силлогизм Запада был нам чужд (по крайней мере в буквальном смысле), если обратиться к факту существования и успешного развития логико-гносеологического направления в русской философии как в X1X, так и начале XX века. И до X1X века силлогизм Запада отнюдь не был чужд России [см.: 2]. Только среди тех, кто жил и творил в Казани была такая звезда первой величины в логической мысли человечества как профессор кафедры философии Казанского университета Николай Александрович Васильев (1880 - 1940), впервые последовательно разработавший НЕ-аристотелеву логику и в настоящее время общепризнанно считающийся родоначальником НЕклассической логики [см.: 3. с. 7; 4, с. 88], оригинальный философ, психолог, историк, литературовед, поэт и искусный переводчик.

В Казани работали весьма крупные мыслители - логики и философы - А. С. Лубкин (1770 - 1815, в Казанском университете с 1812 г.), И.Е. Срезневский (1780 - ?), который работал в университете с 1815 по 1819 г. и был уволен Магницким, архимандрит Гавриил (В.Н. Воскресенский, 1795 - 1868), архимандрит Феодор (А.М. Бухарев, 1824 - 1871), А.П. Владимирский (1821 - 1895), преподававшие в Духовной академии и в университете, М.М. Зефи-

ров (1826 - 1889), М.М. Троицкий (1835 - 1899, в университете с 1867 по 1869 г.), В.А. Снегирев (1841 - 1889), преподававший и в духовной академии, и в университете, А.И. Смирнов (1838 - 1902), Е.А. Бобров (1867 - 1933, в университете с 1893 по 1903 г.), А.Д. Гуляев (1870 - 1930), И.И. Ягодинский (1868 - ?), В.Н. Ивановский (1867 - 1939), А.О. Маковельский (1884 - 1968).

В разное время к чтению философских курсов, в частности логики привлекались: профессор латинского языка, литературы и древностей М.Г. Герман (1755 - 1822), профессор русской словесности Г.Н. Городчанинов (1772 - 1852), адъюнкт философии Л.С. Левицкий (1772 - 1807), адъюнкт русской словесности и философии А.Ф. Хламов (1795 - ?), профессор древностей и латинского языка Я.М. Караблинов (1789 - ?), профессор философии, дипломатики и политической экономии М.А. Пальмин (1783 - ?), профессор законов государственного благоустройства П.С. Сергеев (1806 - 1868), профессор гражданского права Ф.Г. Юшков (1811 - ?), профессор русской истории Н.А. Иванов (1813 - ?), заслуженный профессор русской словесности Н.Н. Булич (1824 - 1895), А.Ф. Зеленогорский (1839 - ?).

В Казани жил В.И. Несмелов (1863 - 1937), профессор Духовной Академии и университета - один из крупнейших представителей религиозно-антропологического направления, который после октябрьского переворота в течение нескольких лет в университете читал логику и философию.

Наконец, именно в Казани, в Казанском университете впервые в России в 1888 г. приват-доцентом П.С. Порецким (1846 - 1907) был прочитан курс математической логики. Причем опять-таки общепризнанно, что П.С. Порецкий существенно обобщил логические достижения таких выдающихся логиков как Дж. Буль, У.С. Джевонс, Э. Шредер. В Казанском университете защитил магистерскую диссертацию крупный русский логик Л.В. Рутковский и лишь гражданская война помешала защитить докторскую диссертацию видному философу С.Л. Франку (его оппонентами должны были быть В.Н. Ивановский и А.Д. Гуляев).

Думается, что уже перечисление этих имен и фактов никак не позволяет считать Казань логической и философской провинцией и уж тем более полагать, что силлогизм Запада был всем русским мыслителям чужд. Пожалуй напротив, рядом представителей логико-гносеологического направления были вписаны яркие страницы как русской, так и мировой истории логики (и философии, которая, как будет сказано ниже, включала логику в качестве одного из своих важнейших разделов).

К сожалению, до сих пор на университетскую философию (и, стало быть, логику) обращали мало внимания. Между тем западные ученые в большей степени, чем в России отдают отчет в ценности и оригинальности не только религиозно-антропологического, но и логико-гносеологического направления. Так, уже в течение нескольких лет в Германии разрабатывается специальный проект, фокусирующийся на развитии логики в России до 1917 г. [См.: Thiel C., Ivanovic T. *Die Anfange der mathematischen Logik in Russland* // FAU UniKurier, April, 1992. S. 67].

Можно будет только пожалеть, если мыслители, принадлежащие логико-

гносеологическому направлению русской философии и логики начнут - как это частенько случалось в истории России и особенно СССР - свой путь на Родину с Запада. 100 лет назад казанский философ А.И. Смирнов по поводу торжеств, посвященных столетнему юбилею со дня рождения гениального русского математика Н.И. Лобачевского писал, что "участие, которое принимает в нашем торжестве вся образованная Россия свидетельствует, что мы научаемся ценить своих великих людей, а тот отзвук, который торжество это вызвало в других образованных государствах света есть признание нашей с ними равноправности..." [5, с. 55]. В связи с этими словами нельзя не заметить, что, во-первых, характер проведения 200-летнего юбилея Н.И. Лобачевского, состоявшегося в 1992 году, таков, что можно заключить, что мы все еще не научились ценить вполне даже мыслителей масштаба Лобачевского, и, во-вторых, хочется выразить надежду на то, что в нашем "научении" ценить достойных представителей России мы все же опередим западных исследователей.

ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ ПОД "ОПЕКОЙ" ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО.

В 1797 г. Казанская духовная семинария, функционировавшая с 1733 года, была переименована в Духовную Академию, которая, однако, существовала до 1818 года и затем снова была переименована в семинарию. В мае 1842 года состоялось синодское предположение об учреждении в Казани Духовной Академии на 60 воспитанников (при сохранении духовной семинарии). В 1804 г. в Казани открылся университет - третий в России, после Московского, открытого в 1755 г. и Дерптского (Юрьевского, ныне Тартуского), открытого в 1802 г. (В 1805 г. университет был открыт и в Харькове).

Хотя состав профессоров и студентов университетов в первой половине X1X века был немногочисленным, но роль университетов в культурной, интеллектуальной и деловой жизни городов и регионов, к которым университеты относились, переоценить трудно. Они явились катализаторами всяческой деятельности и активности, центрами притяжения всех лучших сил и умов, возвышая города и целые регионы до качественно нового уровня. Это в полной мере относится и к Казанскому университету. Казань обязана университету тем, что стала крупнейшим культурным и просветительским центром России, активно притягивающим промышленников, купцов, вообще предприимчивый люд. Все это в свою очередь оказывало обратное воздействие на развитие университета: университет рос и завоевывал все больший авторитет.

Однако судьба российских университетов была непростой. Изменения социальных ориентаций и политики отражались и на отношении к образованию, в том числе, конечно, университетскому, и на внутриуниверситетской жизни. Философия, а, стало быть, и логика неизменно оказывались в

центре университетских нововведений, которые вызывались социально-политическими ориентациями. Приход М.Л. Магницкого в качестве попечителя Казанского учебного округа выразился в смещении акцента в преподавании философии в религиозную сторону. Согласно инструкции М.Л. Магницкого, предназначеной для профессоров и преподавателей университета, например, профессора философии обязаны все философские системы "привести к одному началу и показать, что условная истина, служащая предметом умозрительной философии, могла заменять истину христианскую до пришествия Спасителя мира, ныне же в воспитании допускается как полезное токмо упражнение ума", а профессора физики "обязаны, во все продолжение курса своего, указать на премудрость Божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания окружающих нас чудес" [цит. по: 6, с. 280].

По замечанию Е.А. Боброва "развитие философии в России...текло по двум руслам. С одной стороны существовала школьная философия, которая преподавалась в университетах, гимназиях, духовных академиях и семинариях. Философские направления, находившие себе место в этом русле, были схоластика, вольфианство и различные оттенки универсализма.... Она... служила лишь практическим целям обучения и воспитания.

С другой стороны были философские направления, которые от времени до времени увлекали собою, как бурным потоком, почти всю русскую интеллигенцию. Такую роль философии всех образованных играли в XVIII веке в России материализм ("вольтерианство"), а также мистика и франкмасонство; во второй половине X1X века то же самое значили материализм, социализм, позитивизм, спиритизм.... Главным орудием пропаганды этой нешкольной философии служила не кафедра, а печатное слово и аффилиация личных знакомых в кружки" [7, с. 2]. Н.А. Васильев в рецензии на книгу Э.Л. Радлова по истории русской философии в качестве недостатка отмечал, что "на масонстве Э.Л. Радлов совсем не останавливается, что является большим пробелом в книге. В русском масонстве, особенно в розенкрейцерстве, были очень сильны философские искания" [8, с. 98]. Любопытно, что и Н.А. Васильев солидаризуется с Е.А. Бобровым усматривающим в розенкрейцерстве первую философскую систему в России, сыгравшую немаловажную просветительскую роль в XVIII веке и успешно противостоявшую "чуждому русскому духу вольтерианству", - систему, которая несмотря на крайности воспитывала дисциплинированность русского ума.

Логика и философские дисциплины преподавались едва ли не с самого открытия Казанского университета - А.С. Лубкиным, Л.С. Левицким, М.Г. Германом и др. В лекциях 1816 г. И.Е. Срезневский исходил из того, что "теоретическое употребление разума бывает или формальное, или материальное, судя потому к формам ли только познаний оно относится или к самим предметам. Посему и теоретическую философию можно разделить на формальную и материальную, первая обыкновенно называется логикой, а последняя метафизикой.... Теория правил, по коим должно управлять челове-

ческой способностью мышления под известными эмпирическими условиями есть прикладная логика" [9, с. 5, 9].

А.Ф. Хламов обнаружил в русском издании (1831 г.) учебника логики Кизеветтера [10] ряд ошибок о чем было доложено Совету Казанского университета с требованием разослать извещение об ошибках по Дирекциям гимназий. Совет, признав факт обнаружения ошибок, не счел целесообразным извещать Дирекции, поскольку "учителя гимназии по большей части поступили из университета, в котором слушали логику у Г-на Хламова" и потому сами в состоянии заметить указанные ошибки [ЦГА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 276, с. 1].

В 1835 г. в Казанском университете учрежден философский факультет с двумя отделениями - словесным (разряды общей словесности и словесности восточной) и физико-математическим (разряды математических и естественных наук). В этом же году философско-юридический факультет Санкт-Петербургского университета был преобразован в философский факультет. Дело в том, что философия в университетах преподавалась в виде умственной философии (логики), естественной философии (физики) и философии божественной (метафизики).

Реорганизация университета в определенной степени обязана достаточно энергичной деятельности министра просвещения С.С. Уварова. Кафедра философии на философском факультете занимала место, отвечающее названию факультета. Между тем в 1849 г. министром просвещения стал кн. П.А. Ширинский-Шахматов, который резко ужесточил университетские порядки с целью минимизировать влияние французской революции 1848 г. на университетское сообщество. По выражению нового министра просвещения, "польза от философии не доказана, а вред от нее возможен". 22 июня 1850 г. было опубликовано Высочайшее повеление Императора об ограничении преподавания философии в университетах и Ришельевском Лицее логикой и психологией с возложением чтения оных на профессора богословия. В повелении говорилось: "Государь Император Высочайше повелеть соизволил:

> 1) С упразднением преподавания философии светскими профессорами в университетах Санкт-Петербурга, Московском, Св. Владимира, Харьковском и Казанском, а также в главном Педагогическом институте и Ришельевском лицее, возложить чтение логики и опытной психологии на профессоров богословия или законоучителей, назначенных к этой должности по сношению Министерства Народного Просвещения с духовным ведомством Православного исповедания.
>
> 2) Профессоров богословия и философии из лиц духовного сана в означенных выше университетах и главном педагогическом инстиуте сравнить в окладах жалованья с ординарными профессорами, присовокупив к тому и производство квартирных денег, определенных по этому званию, если они не живут в церковных домах или не имеют

казенныого помещения....

6) Программы преподавания логики и опытной психологии утвердить по соглашению духовного православного ведомства с Министерством Народного Просвещения" [11, с. 1414].

Любопытно, что в Дерптском университете данное повеление касалось только студентов православного вероисповедания. Лютеране слушали философские курсы по прежнему у светских профессоров. Последние, похоже, саркастически замечал Е.А. Бобров, были застрахованными от тлетворной заразы философии.

Итак, философские факультеты всюду прекратили свое существование, а кафедры философии были упразднены (кроме Дерпского университета). Философские факультеты были разделены на историко-филологические и физико-математические (что вопреки первоначальному замыслу сыграло впоследствии положительную роль в их развитии).

Понятно, что Высочайшее повеление сразу же поставило вопрос о священнослужителях, обладавших достаточной подготовкой по логике и психологии. Таковых было немного.

Профессора философии обычно преподавали логику, психологию, метафизику и нравоучение. В Духовных Академиях набор философских курсов был шире - помимо перечисленных дисциплин там также преподавались история философии (неслучайно фактически первую историю русской философии написал профессор Казанской духовной академии и Казанского университета архимандрит Гавриил), психология и нравственное богословие. И в духовных семинариях в число преподаваемых дисциплин входили логика и психология. В 1840 гг. в духовных семинариях существовали следующие классы: в Саратовской - богословия, Пермской - философии, Симбирской - философии и классической словесности [ЦГА РТ, ф. 10, оп.1, д. 37, с. 4].

В результате закрытия кафедр философии преподавание философии было ограничено логикой и психологией. Но главное, что это преподавание поручалось "не особому профессору, а законоучителю, причем это преподавание было поставлено под особый надзор назначаемых св. синодом наблюдателей за преподаванием закона Божия в светских учебных заведениях. Но даже св. синод, - замечал А.И. Введенский, - находил нежелательным такое соединение преподавания закона Божия с логикой и психологией и предлагал для последених предметов назначать, хотя и из священников, но все-таки особого преподавателя" [12, с. 54].

В Казанском университете логика и философские предметы с 1835 г. читались арх. Гавриилом, поначалу настоятелем Зилантова монастыря, выпускником Московской Духовной академии (1820). В 1835 - 1840 гг. он читал по 2 часа в неделю логику и психологию, метафизику и нравственную философию, историю философии. В 1840 - 1841 гг. арх. Гавриил находился в Симбирске из-за разногласий с церковными властями, откуда возвратился осенью 1841 г. и вновь приступил к преподаванию тех же предметов, но уже по 1 часу в неделю [ЦГА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 597, с. 1]. Кроме того он

вел курсы богословия и церковного права. С 1849 г. ему был поручен курс "Введение в энциклопедию философских наук", который должен был дать представление о метафизике, онтологии, космологии и умозрительной психологии (там же, с. 2), но уже на следующий год он был вынужден по болезни уйти на пенсию и на его место были назначены профессор богословия А.П. Владимирский (в то время священник Грузинской церкви), впоследствии ректор Казанской Духовной академии и Н.А. Иванов, которые в течение ряда лет продолжали читать только логику и психологию.

В том же году кафедра философии в университете была закрыта и незамещена более десяти лет вплоть до 1867 г. (хотя логика и психология преподавались).

В 1850 г. из Московской Духовной академии в Казанский университет была прислана программа по логике и опытной психологии, одобренная учрежденным при Святейшем Синоде комитетом. В этой программе предметом логики признавалось мышление, которое определялось как "деятельность ограниченного человеческого духа, стремящегося обнять в единстве сознания разнообразные предметы мира видимого, собственную природу и отношение их к Верховному началу всего" [ЦГА РТ, ф. 977, оп. Совет ист.-фил. фак-та, д. 614, с. 1]. Программа включала три части - "О началах мышления", сводящихся к идее о Боге, "О законах мышления", к которым относились традиционные законы логики, и "О формах мышления", к которым отнесены понятие, суждение и умозаключение.

Программа повествует также "Об опытном познании", к которым отнесены наглядное, историческое и предположительное познание и "О познании умозрительном", необходимые формы которого суть математика и философия, "возводящая все сущее к Верховному началу и последней цели бытия" (там же, с. 6).

Через 10 лет после Высочайшего повеления было признано, что "вследствие закрытия кафедр философии ощущается...большой пробел в умственном образовании студентов в том отношении, что, знакомясь с философией каждой науки отдельно,они лишены возможности изучать исторический ход развития духа человеческого, познавать законы его во всей его целости и совокупности" [13, с. 10]. Это побудило начальство учебных округов просить о возобновлении в университетах прежде существовавшего преподавания философии и отделить от эти предметы от богословия.

2 декабря 1859 г. последовало повеление возобновляющее преподавание философских курсов.

"Но преподавать философию, - пишет Е.А. Бобров, - уже было некому. В одном лишь Киеве ветеран С.С. Гогоцкий мог возобновить свою деятельность.... Преподавание этой науки во всех русских университетах утвердилось не ранее половины 70-х годов" [13, с. 14].

Неблагополучное положение с философскими предметами и их преподаванием в целом по России продолжалось до 1863 г., когда был введен в действие новый Устав университетов. Понятно, что за этот период обучение

философии и собственно исследования сильно пострадали. Впрочем, кафедра философии в Казанском университете была восстановлена "Высочайшим повелением" 22 февраля 1860 г.

"Логика, - замечал в середине 1840-х гг. В.Н. Майков, - находится у нас в самом жалком положении.... Отношение фактического познания к умозрительному и отношение теории к практике, эти основные логические вопросы, еще не решены у нас так, как бы этого можно было ожидать от русского ума, организованного так счастливо. На Западе эти вопросы уже решены..." [14, с.84].

Тем не менее логико-гносеологическое направление сохранило необходимые позиции для достаточно быстрого возрождения и уже через 15 лет (в 1889 г.) начинает выходить регулярный журнал "Вопросы философии и психологии", основанный Н.Я. Гротом и А.А. Абрикосовым.

Именно после 1863 г. начался усиленный поток ученых из Духовных академий в университеты. Так, в грамоте Казанского университета, врученной Казанской Духовной академии по случаю ее пятидесятилетия говорится: "Прилив ученых сил из Казанской Духовной академии в Казанский университет особенно усилился со времени введения университетского Устава 1863 г., открывшего в университетах новые кафедры церковной истории и церковного права и возобновившего кафедру философии. Первые две из них замещались и замещены в настоящее время (1892 г. - В.Б.) в нашем университете исключительно питомцами Казанской Духовной академии, а кафедра философии во многом обязана содействию ее ученых сил" [ЦГА РТ, фонд 977, оп. Совет, д. 8724, с. 36].

В 1849 г. Н.Н.Булич защитил магистерсую диссертацию на тему "Значение формального и метафизического взгляда на науку логики, с особым рассмотрением логического учения Аристотеля". Хотя Булич некоторое время и преподавал логику и психологию (1849 - 1853), но он все-таки в 1854 г. занял кафедру русской словесности и таким образом логико-филосоские его интересы были оттеснены литераторской деятельностью.

В 1885 г. было создано Московское психологическое общество, первым председателем которого был М.М. Троицкий, в 1898 г. - Петербургское философское общество. Таким образом интеллектуальная жизнь России вообще, и философская в частности не замирала даже в годы, тяжелые для всякой интеллектуальной активности. Устремленность философской мысли России в целом носило критико-гносеологический характер (М.Н. Ершов, 1922 г.), и логика здесь играла первостепенную роль.

КАРЬЕРА ЛОГИКА И ФИЛОСОФА (на примере Н.А.Васильева)

Для истории логики и философии немаловажно каким образом готовились профессионалы, способные к преподаванию логических и философских курсов и к самостоятельной научной работе. Некоторая информация об этом содержится в моей книге о Н.А. Васильеве [15], но с момента ее написания в

1986 обнаружились новые сведения, позволяющие представить путь ученого значительно отчетлевее [см. также: 15а].

Будущие логики и философы получали образование главным образом на историко-филологических факультетах университетов. Иногда, как это было в случае Н.А. Васильева, желавшего заниматься психологией и потому иметь естественнонаучную подготовку, они заканчивали и факультеты естественнонаучного профиля. На историко-филологических факультетах (как и на других факультетах) ими слушались разного рода курсы, тогда как список "обязательных" курсов был ограниченным.

Н.А. Васильев в 1904 г. окончил медицинский факультет Казанского университета, а в 1906 г. - историко-филологический факультет того же университета. Еще обучаясь на медицинском факультете Васильев прослушал (как сейчас сказали бы факультативно) курс по философии у Е.А. Боброва. О том, какие дисциплины считались обязательными на историко-филологическом факультете Казанского университета можно судить из ДИПЛОМА, выданного Н.А. Васильеву.

В ДИПЛОМЕ говорится: "Предъявитель сего, НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАСИЛЬЕВ, сын профессора, дворянин, имеющий степень лекаря, вероисповедания православного, с разрешения Министерства Народного Просвещения от 19 ноября 1904 г. за N 10948, но основании..., подвергался испытанию в Историко-Филологической Испытательной Комиссии при Императорском Казанском Университете в феврале и марте месяцах 1906 года по всем предметам курса Историко-филологического факультета, по отделу ИСТОРИЧЕСКОМУ,при чем представил сочинение по всеобщей истории под заглавием: "ВОПРОС О ПАДЕНИИ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ В СВЯЗИ С ТЕОРИЕЙ ИСТОЩЕНИЯ НАРОДОВ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА", признанное весьма удовлетворительным и оказал следующие успехи: на письменном испытании: по русской истории весьма удовлетворительные, по всеобщей истории... на устном испытании: по греческому языку..., по латинскому языку..., по истории русской..., древней..., средней..., новой..., истории церкви..., по истории славянских народов..., по истории новой философии..., по предметам полукурсового испытания..." [ЦГА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 11305].

Выпускники университета после защиты своего рода итоговой работы обычно получали звание кандидата.

Осенью 1906 г. Н.А. Васильев преподает русский язык и литературу в Казанском реальном училище [16]. 9 января 1907 г. его оставляют в Казанском университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре философии сроком на два года, а 14 февраля 1909 г. этот срок продлевается еще на год. В декабре 1906 г. В.Н. Ивановским и А.Д. Гуляевым составляется "Инструкция для занятий по философии профессорского стипендиата Н.А. Васильева"[ЦГИА, ф. 733, оп. 153, д. 224]. В ней говорится, что "занятия свои г. Васильев должен вести, примеряясь, с одной стороны, к некоторым общим

требованиям, обусловленным состоянием философских наук, а с другой - к своим личным интересам и к своей прежней подготовке..." [там же, с. 364]. "Для г. Васильева, - предписывает инструкция, - должна быть на первом плане, с одной стороны, психология, а с другой - история философии с метафизикой...г. Васильеву, как лицу, получившему также медицинское образование, будет очень удобно обратить значительное внимание на изучение психологии, что...будет соответствовать и современным потребностям научного преподавания". Кроме того, ему "следует познакомиться с теориями силлогистической логики (самое лучшее, по их классическому выражению в "Первой Аналитике" Аристотеля), также с основным сочинением по индуктивной логике "Системой логики" Д.С. Милля" [там же, с. 366, 373].

Н.А. Васильев ведет психологию и философию на открытых в Казани Высших женских курсах. В 1908 г. он выпустил первое издание лекций по психологии для слушательниц курсов. В том же году у Н.А. Васильеву возникло убеждение, что занятие психологией на самом деле не являются самоцелью, что они всего лишь подготовительный этап, который должен предшествовать занятиям философией и логикой. Летом он командируется в Германию, где, собственно, и рождается идея о возможности воображаемой логики.

Катализатором, своего рода эвристическим толчком к рождению этой идеи послужило учение Дарвина. Дело в том, что в своей работе "Значение Дарвина в философии" [17] он соглашался с мнением Х. Зигварта, что "учение Дарвина произвело революцию также и в области логики. Оно колеблет самые основы логики". Представления о неизменности всего сущего, господствовавшие до Дарвина в логике, диктовали необходимость признания неизменности понятий. Незыблемость системы понятий, считал Х.Зигварт, и пошатнула теория Дарвина. Прерывистость понятий, согласно Н.А. Васильеву, заменялась их непрерывностью..... Невозможно определить, как ответит логика на эту революцию. Одно ясно, рассуждал Васильев, ей придется произвести коренные изменения в своей обалсти. Н.А. Васильев вслед за Х. Зигвартом об этих рядущих изменениях говорил с воодушевлением, хотя, наверное, и не предполагал, что станет их автором [см. также: 18].

Профессорские стипендиаты проходили специальные испытания на степень магистра. Так, в марте 1909 г. Н.А. Васильев испытывался перед комиссией историко-филологического факультета по ряду предметов: логике, психологии, греческому языку, метафизике, истории философии. Н.А. Васильеву были заданы следующие вопросы: по ЛОГИКЕ - 1) Учение о силлогизме и его дальнейшая судьба. Учение Джевонса и Каринского; 2) Учение об индукции Милля и Зигварта (с очерком развития этого учения; 3) Учение Зигварта о суждении (с замечаниями об учении Аристотеля). По ПСИХОЛОГИИ - 1) Основные положения психологии Аристотеля; 2) Ассоциативная психология; 3) Психология чувства, теория Джемса. По ГРЕЧЕСКОМУ ЯЗЫКУ - Содержание сочинения Аристотеля *De Anima*. По МЕТАФИЗИКЕ - 1) Теория идей в "Государстве" Платона; 2) Ориген. "О началах". Основные положения; 3) Критика способности суждения Канта. По ИСТОРИИ ФИЛО-

СОФИИ - 1) Логика Гегеля; 2) Вопрос об отношении веры и знания в средневековой философии; 3) Аристотелева критика Платоновой теории идей. [ЦГА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 2118, с. 3-5]. Испытания Н.А. Васильев прошел с оценками "весьма удовлетворительно".

После каждого года занятий профессорский стипендиат писал Отчет о проделанной работе, причем Отчет, как сейчас выразились бы, неформальный. Так, в "Отчете за первый год работы профессорского стипендиата по кафедре философии Н.А. Васильева" подчеркивается, что его внимание было приковано к "психологии и истории новой философии". По замыслу Васильева, "занятия психологией должны предшествовать занятиям логикой" [19, с. 1]. По этой причине занятия логикой откладываются на следующий год. В "Отчете" формулируются правила, которыми будущий ученый руководствовался в своей работе. "Я старался, - писал он, - с наивозможной для меня тщательностью оценивать все возможные точки зрения. Резко очерченые мысли классиков начинают сменяться более мягкими и неопределенными...." При этом Васильев ставил себе цель "сознательно примкнуть к той или иной точке зрения или составить своей мнение". Общей стратегической целью своих занятий считал задачу "выработки цельного и полного философского мировоззрения" [19, с. 4].

Отчет непременно рецензировался. Отзыв на приведенный Отчет писал В.Н. Ивановский. Он отмечал, что на медицинском факультете Васильев специализировался на неврологии и психопатологии, что интерес к философии пробудился у него (Васильева) еще с гимназической скамьи (еще в 1901 г. он переводил сочинения Юма), что рукописное сочинение Васильева "Вопрос о падении Западной Римской империи..." уже заслужило самые лестные отзывы ряда специалистов. "Если он и дальше будет работать с такою же энергией и успехом, - замечал рецензент, - то русская психологическая и философская наука (и в частности казанская кафедра философии) найдут в нем выдающегося специалиста" [20, с. 1]. В.Н. Ивановский высказал также ряд пожеланий и признал работу г. Васильева в 1907 г. "весьма удовлетворительной".

После защиты магистерской диссертации профессорский стипендиат, как правило, получал должность приват-доцента. Иногда требовалось еще защитить работу *pro venia lagendi* (на право чтения лекций). Он в последующем мог работать над докторской диссертацией, но во многом вне зависимости от ее защиты ступени его карьеры могли пролегать через доцента (до конца 1880 гг.), экстраординарного, ординарного, заслуженного ординарного профессора.

Университетские преподаватели достаточно активно знакомились с работой их западно-европейских коллег и трудились в библиотеках Западной Европы. И Н.А. Васильев в декабре 1910 г. подает прошение о заграничной командировке. Необходимость ее он обосновывает тем, что "остальных интересующих меня проблем (напомню, что им уже была выпущена брошюра "О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исклю-

ченного четвертого" (Казань, 1910), которая содержала принципиальные положения новой логики - В.Б.) и для проведения всего исследования в стройный вид мне необходимо двухлетнее пребывание за границей по следующим соображениям. Я должен пользоваться богатством заграничных книгохранилищ.... Только за границей я буду в состоянии уделять все свои силы научной работе и сосретоточиться на ней, что необходимо для всякой работы, а в особенности для работы в области отвлеченного мышления. Ход моей работы требует от меня повторения и изучения вновь некоторых разделов математики, для чего опять-таки необходимо много свободного времени. Я предполагал бы пользоваться советами и руководством некоторых иностранных логиков, как, например, Russell, Husserl, Poincaré и др.... В конце марта 1911 г. состоится IV Международный философский конгресс в Болонье, на котором я предполагал бы сделать доклад по логике" [ЦГИА, ф. 733, оп. 154, д. 567, с. 169-170].

Историко-филологический факультет, "имея в лице г.Васильева в будущем крупную ученую силу", единогласно постановил ходатайствовать через Совет университетаоб удовлетворении просьбы Н. Васильева. Командировка Н.А. Васильеву была предоставлена и с женой и маленьким сыном он выехал за границу с целью подготовки фундаментального труда по воображаемой логике [16].

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ "УНИВЕРСИТЕТСКОЙ" ФИЛОСОФИИ

Традиционно в России "университетская" философия занималась не только собственно философскими исследованиями и дисциплинами в современном понимании ареала философско-методологических идей, но и логикой, психологией и педагогикой. Причем интерес "университетской" философии к логике или психологии (а примерно со второй половины XIX века и к педагогике) никак нельзя считать интересом, так сказать, внешним, интересом к областям знания, пограничным с философией. Все эти, ныне вполне самостоятельные и самоценные дисциплины, науки - философия, логика, психология и педагогика - составляли едва ли не вплоть до начала XX века своего рода синкретическое единство и были как бы равноценными частями целого. Данное обстоятельство накладывало заметный след на характере, в частности, логических исследований природа которых вряд ли может быть адекватно понята вне контекста целостности философии, логики и психологии как в концептуальном, так и институциональном плане.

Вовсе не случайно, например, А.С. Лубкин в качестве предмета логики называл "свойства и способность человеческого разума", трактуя логику как антропологическую науку, демонстрирующую способы управления разумными способностями и позволяющую здраво и основательно судить о вещах [21, с. 16]. Лишь с течением времени, где-то к концу XIX века выкристаллизовалось четкое понимание того, что логика имеет своим предметом мышление, способна изучать формы мышления и механизмы рассуждений вполне

независимо от науки о человеке (в том числе философии) в целом. Вместе с осознанием независимости логики (о роли в этом осознании казанских логиков см. ниже) созревало и ее истолкование как формальной логики, сосредоточивающей свое внимание на структуре мысли, не на содержательной ее стороне. Еще в 1815 г. П. Лодий отмечал, что "объяснение качества, свойств, действований и цели разумения составляет предмет логики (умословия)", а сама логика "есть совокупность правил, руководствующих разумением в размышлении, познавании и различении истинного от ложного" [22, с. 9].

Если В.А. Снегирев в 1880 г. считал логику наукой "об общих и постоянных признаках,условиях согласия мышления с действительностью, - или об условиях и законах истинности и ложности, достоверности и недостоверности знания" [23, с. 12] и тем самым по сути дела не отличал ее от философии (гносеологии), то уже в начале века И.И. Ягодинский уверенно выводил собственно философско-гносеологические вопросы, прежде всего проблему истины в ее классической постановке, за пределы компетенции (формальной) логики. "Логика, - писал И.И.Ягодинский, - есть наука о формах, в которых выражается истина, и о приемах, которыми эта истина достигается, причем в процессе достижения истина принимается как нечто данное и дальнейшему рассмотрению не подлежащее" [24, с. 37]. В самом широком значении, считал Ягодинский, предметом логики следует считать изучение особенностей мысли "нормальной в отличие от ненормальной" [там же, с. 3]. Утверждая таким образом, Ягодинский фактически воспроизводил соответствующие суждения П.Э. Лейкфельда, который еще в 1890 г. писал, что "формальная логика рассматривает не всякого рода мысли, а только формы ПРАВИЛЬНОГО мышления, нормальные формы мысли, нормы форм мысли .... Логика прежде всего определяет особенности мысли нормальной, в отличие от ненормальной. В этом основная задача нашей науки." [25, с. 26, 377].

По словам В.Н. Майкова, логика имеет дело с выражением мысли, с формой, к которой стремится человеческое познание, с той формой, которая составляет венец ее деятельности, т.е. с наукой. Логика довольствуется определением законов, по которым человеческое познание должно быть доведено до совершенства. Одним словом, заключал В.Н. Майков, философия стремится постигнуть жизнь, логика, как ментор, указывает ей путь к исполнению сей задачи [см.: 14, с. 86]. А.И. Введенский разделял "логику открытий" и "логику проверки", причем первая существует лишь как замысел, а не реальность. Современную логику составляет только логика проверки, - "логика оправдания суждения посредством умозаключений" [44, с. 3, 115]. В первых изданиях своей книги "Логика, как часть теории познания" (СПб., 1909, 1912) Введенский определял логику как науку о правильном мышлении, а в третьем ее издании (Пг., 1923) он расширяет определение: логика - наука не только о правильности мышления, но и о его ошибочности. Правильным, по Введенскому, называется мышление, пригодное для расширения знания, а ошибочным, или неправильным - непригодное для этих целей.

Часто в предмет логики включалось изучение методов и принципов наук по той причине, что "логика изучает те виды деятельности, которые ведут к истине" [26, с. 9; см. также: 27].

ДВА НАПРАВЛЕНИЯ В ЛОГИКЕ

На протяжении всего XIX века (точнее второй его половины и вплоть до начала XX века) логические работы, выполненные в духе традиционной и математической логики фактически не рассматривались как принадлежащие двум существенно различным направлениям логической мысли. Хотя известное напряжение между ними ощущалось едва ли не с момента пионерских работ Дж. Буля по математической логике, но большинство представителей и традиционной и математической логики были склонны трактовать работы обоих направлений как двигающиеся в едином потоке логической мысли, и "разрыв" между ними произошел тольк с полным оформлением статуса математической логики как самостоятельной науки в примерно 1920-х годах. Так, в 1880-х годах В.А. Снегирев подразделял логику на логику формальную, к которой он относил труды и И. Канта и У.С. Джевонса, и В.Н. Карпова, и А.Е. Светилина, на логику метафизическую, к которой он относил труды Гегеля и Куно Фишера, и на "новейшую немецкую логику", к которой он относил труды Ф.А. Тренделенбурга, Ф. Ибервега, Г. Лотце. И М.М. Троицкий ставил в один ряд представителей разных направлений логики - Дж. Буля и П. Лодия, У.С. Джевонса и О. Новицкого.

Математическое и традиционно-логическое направления расходились благодаря самоидентификации первого и все возрастающего сопротивления новой форме изложения и вывода, характерных для логики математической в рамках второго направления. В 1882 году П.С. Порецкий провозглашал,что "математическая логика по предмету есть логика, а по методу математика", что математическая логика вносит в логику "умозрительную" (традиционную) "НОВЫЙ МЕТОД, неизмеримо более совершенный, чем простое УМОЗРЕНИЕ" [29, с. 0, XX]. Любопытно, что П.С. Порецкий в отличие от своих коллег, занимавшихся традиционной логикой, даже в библиографию не включает ни одного представителя "умозрительной" логики.

"Есть наука, тесная связь которой с математикой утверждалась давно, которая в доказательство справедливости своих положений постоянно апеллирует к алгебре и геометрии, которая иллюстрирует свои теории математическими примерами и исследователи которой, однако, совершенно не считают нужным знакомиться с циклом математических знаний. Наука эта логика, - замечал С. Глаголев. Философы издревле были в союзе с математикой (Пифагор, Платон, Декарт, Лейбниц). Но, к сожалению, многие малые философы настоящего времени не хотят следовать примеру великих мыслителей прошлого" [30, с. 241-242].

В 1880 г. у ряда традиционных логиков пробудился серьезный интерес к логике математической. По крайней мере ими стала осознаваться само-

ценность математической логики и необходимость знакомства с ее идеями. Так, в Инструкции к занятиям профессорскому стипендиату А.Д. Гуляеву, составленной А.И. Смирновым в 1899 г. специально отмечено: "По логике требуется знание логики формальной и индуктивной, причем объединение этих методов должно быть сделано более рациональным способом, чем у Милля.... Подробное изучение так называемой математической логики Буля и Джевонса не вменяется в обязанность, а знакомство с основами этого метода - обязательно [ЦГА РТ, ф. 977, оп. Совет ист.-фил.фак-та, д. 1769, с. 16]. Е.А. Бобров подверг Инструкцию А.И.С мирнова суровой критике, в частности, в плане логических занятий: "По логике умомянут один Милль, но не указаны ни Зигварт, ни Вундт, ни Транделенбург, ни Рабье и т.д." (там же, с. 24).

А.И. Смирнов возразил: "По логике Е.А. Бобров ошибочно обвинил меня, что я упоминаю одного Милля. Но я совсем не рекомендую держаться Милля, а напротив, предостерегаю от увления им, требуя лучшего объединения методов индукции и дедукции, чем Милля.... Но я рекомендую познакомиться г-ну Гуляеву еще с основами математической логики..." (там же, с. 27).

Предположительно под руководством А.И. Смирнова студентом С.П. Орловым (1857 - 1891), впоследствии лектором английского языка в Казанском университете еще в 1881 г. была написана работа "Успехи формальной логики в Англии в XIX веке". Следовательно, отмеченный интерес с успехам формальной логики в Англии, развивавшейся во многом в русле математической логики, в Казани никак нельзя считать случайным. Замечу, что А.И. Смирнов являлся оппонентом по диссертации Л.В. Рутковского "Основные типы умозаключений", защищенной им в Казанском университете 23 апреля 1889 г., причем отзыв А.И. Смирнова свидетельствует о его весьма глубоких познаниях в логике [ЦГА РТ, ф. 977, оп. Совет ист.-фил. фак-та, д. 7936]. Другими оппонентами по защите Рутковского являлись С.П. Орлов и Ф.А. Курганов, профессор церковной истории. А.И.С мирнов отмечал, что Л.В. Рутковский предпринимает попытку новой классификации умозаключений и "кроме обязательных типов умозаключений - аналогии (по автору - традукции), индукции и дедукции, он усиливается установить три новых типа, или класси логических выводов: продуктивный, субдуктивный и едуктивный. В этом состоит оригинальность автора и, как вероятно надо полагать, его вклад в науку логику". Однако А.И. Смирнов усматривает серьезные недостатки в диссертации: почти полное отсутствие исторических данных ("можно подумать, что г.Рутковский не читал предшественников... кажется особенно странным, что г. Рутковский не указывает отношения своего исследования к совершенно однородному труды М. Каринского "Классификация выводов" (СПб., 1880) из которого, впрочем, он делает весьма много заимствований" [ЦГА РТ, фонд 977, оп. Совет, д. 7936, с. 9, 11]. Более того, по мнению Смирнова продуктивные, субдуктивные и едуктивные умозаключения при ближайшем рассмотрении оказываются теми же индуктивными и дедуктивными умозаключениями, давно известными в логике. "Формализм г. Рутковского, - продолжает Смирнов, - есть лишь бесполезное удвоение формализма

логики силлогизма.... Классификация г. Рутковского не выдерживает критики; она не удовлетворительна как со стороны общего - замысла, так и в частностях его исполнения" [там же, с. 15]. И все-таки Смирнов заключает, что "если взять во внимание трудности оригинальных исследований по философии и особую трудность темы... то этот приговор о его труде может быть в значительной степени смягчен. Во-первых, он с большой любовью взялся за отвлеченное исследование в области логики.... Во-вторых, нельзя не отнести к достоинству молодого начинающего мыслителя, что он понял недостатки как Аристотелевой логики, так и новейшей теории индукции.

Его логическая схема, несмотря на ее неразработанность в смысле классификации во всяком случае шире и Аристотелевой таблицы силлогизмов и синкретической попытки Милля соединить силлогизм с индукцией без установления органической связи между ними.... Наконец, немалое достоинство сочинения г. Рутковского его язык, всегда ясный и точный" [там же, с. 15]. Поэтому Смирнов считал, что Рутковский заслуживает искомой им степени.

Несколько позже, в 1894 г. А.И. Смирнов писал, что "логики математических наук, в смысле строго-точной науки о логических условиях и формах математического мышления, пока еще не существует. В философской литературе по логике для строгой обработки логики математики пока еще сделано весьма немного, хотя и обнаруживается, во-первых, сознательная неудовлетворенность аристотелевой формальной логики в отношении к математике, а, во-вторых, - стремление выделить количественную логику, или логику количеств в особую самостоятельную ветвь теории мышления [5, с. 6]. Через 5 лет А.И. Смирнов в инструкции профессорскому стипендиату (А.Д. Гуляеву) уже особо рекомендует познакомиться с математической логикой (об этом см. ниже).

Правда, курс логики, который читался А.Д. Гуляевым, элементов математической логики не включал [см.: 28].

Вопросы взаимосвязи и взаимоотношения логики и математики рассматривались и П.Э. Лейкфельдом, в частности им отмечалось сходство этих наук. Лейкфельд останавливается на соответствующих взглядах О. Конта, Р. Грассмана, У. Гамильтона, О. де Моргана, Дж. Буля, У.С. Джевонса, Э. Шредера, П.С. Порецкого. Кроме того он анализирует точку зрения (Т. Гоббс, Е. Дюринг) о тождестве логики и математики [25, с. 271-317, 354-359, 366-371].

Уже в рамках традиционной логики предпринимаются попытки "перестроить" ее в духе логики математической, например, в отношении учения о понятии. Так, Ф. Линде главный мотив своей работы усматривал в том, чтобы построить математическую логику понятия, поскольку "теория понятия до сих пор еще совершенно не развита в т.н. математической логике, ни в логике нематематического направления" [32, с. 6]. Ф. Линде упрекает Г. Фреге в отождествлении понятия с классом.

Интерес к математической логике был значителен у Н.А. Васильева в 1908 - 1910 и последующих годах.

Любопытно, что и некоторые математики предпринимали попытки приложить математические представления и методы к гуманитарным, в том

числе философским, дисциплинам. Н.А. Шапошников строил свой подход на том, что "нет никаких научных оснований утверждать то, что психические движения в нашей жизни должны уклоняться от всеобщих норм, управляющих явлениями внешнего мира.... Явления психические подчинены... закону параллелограмма и параллелипипеда душевных сил". Сторонами параллелограмма, по Шапошникову, являются "руководящие мотивы" сознательных человеческих действий - эгоизм и альтруизм [33, с. 2, 7]. Такого рода попытки естественно усиливали диалог между математическими и гуманитарными областями знания и в известной мере способствовали вниманию представителей формальной логики к математике в целом и математической логике в частности.

АНТРОПОЛОГИЗМ И ПСИХОЛОГИЗМ В РУССКОЙ ЛОГИКЕ И ФИЛОСОФИИ

Водораздел между двумя направлениями - математическим и традиционно-логическим - проходил по вопросу об истолковании природы отношения человека к логическим реалиям, а также по вопросу о взаимосвязи логики и математики. Направление традиционное принимало идеологию психологизма, т.е. рассматривало логику как часть психологии или тесно связанную с психологией. Психологизм призывал заниматься исследованием "реального" мышления, а не последствиями нормативного характера логических законов и соответствующих им принудительных мыслительных конструкций. Математическое же было вовсе не склонно подчинять логику психологии.

Так, Н.А. Васильев считал, что на рубеже XIX и XX веков в логике оформились два главных направления -"математическое, которое стремиться привести логику в связь с математикой", и, как он называл "гносеологическое, стремящееся привести ее в связь с теорией познания"[34, с. 387]. Ряд представителей второго направления позволяли себе резкий и, как выражался Н.А. Васильев, насмешливый выпад против логистики (этот термин использовался в начале XX века для обозначения математической логики), "который сопровождается огульным и необоснованным осуждением формальной и психологической логики" [там же, с. 388]. Этим формам логики Б. Кроче, например, противопоставляет так называемую философскую логику, но его знание об этой логике "довольно скудно и спутано". В. Виндельбанд, также поддерживающий "гносеологическое" направление, противодействовал процессу математизации логики и пытался доказать, что только логика имеет значение для математики, но не математика для логики.

Какой путь выберет в своем дальнейшей прогрессе логика - обогащение математическими методами или следование традиционым канонам игнорирования успехов математики - в этом Н.А. Васильев усматривал "геркулесово распутье" логической науки. Симпатии казанского ученого безусловно

были на стороне первого пути, именно в математизации логики он видел гарантию ее блестящего будущего. "Кто станет отрицать специфическую связь между логикой и геометрией, выражающуюся хотя бы в геометрических кругах логики?" - задавал риторический вопрос оппонентам процесса математизаци логики Н.А. Васильев. И сам же отвечал, что "самая возможность алгебраической логики...указывает на эту связь между логикой и математикой" [там же, с. 389]. Сегодня мы знаем, что Н.А. Васильев совершенно правильно предсказывал путь дальнейшего развития логики [см.: 35].

Итак, вплоть до начала XX века в России логика развивалась преимущественно представителями философии, которые одновременно занимались, психологией и педагогикой (хотя кафедра педагогики в Казанском университета была открыта еще в 1850 г.).

Это синкретическое единство философии, логики и психологии, как уже говорилось выше, в значительной мере окрашивало, так сказать, логические исследования в психологические тона, причем все исследования проводились на фоне философских идей. Отсюда можно понять причину сильных тенденций к АНТРОПОЛОГИЗМУ И ПСИХОЛОГИЗМУ русской логики и в определенной мере теории познания.

Антропологизм и психологизм в логике препятствовали ее формализации и математизации, и, стало быть, прогрессу математической логики, что служило мощным стимулом самоиндентификации и самоопределения последней как независимой дисциплины. Избавление от психологизма означало принятие новой логической парадигмы, неявно включающей философские предпосылки в качестве исходных пунктов логических построений, но в целом порывающей с философской проблематикой и впоследствии всячески "открещивающейся" от нее.

Тем не менее в эвристическом смысле антропологизм и психологизм оказались - в интерпретации Н.А. Васильева - достаточно эффективными. Именно благодаря психологизму в рамках Аристотелевой парадигмы логики, на фундаменте которой покоились и традиционная, и математическая логика, вызрела НЕаристотелева парадигма, появление которой означало переход от классической к неклассической логике. В качестве стержневых положений аристотелева парадигма принимала т.н. "начала", "аксиомы" (по терминологии, скажем, М.М. Троицкого) логики - законы (не)противоречия и исключенного третьего.

Н.А. Васильев, придерживаясь установок психологизма, и более того - отталкиваясь от центральных положений доктрины психологизма и рассуждая "психологически", впервые обрисовал контуры неаристотелевой парадигмы логики, создал неклассическую логику. [см.: 35].

Н.А. Васильев полагал, что создал "воображаемую" логику, логику "воображаемого" мира, организация которого отлична от нашего, земного мира, а, следовательно, отлична и психическая организация существ, живущих в "том" мире. "При известном устройстве мира или нашей ощущательной способности логика должна быть обязательно неаристотелевой", - писал Н.А. Васильев [36, с. 238]. Наш, земной мир и наши ощущательные способности

устроены таким образом, что все непосредственные ощущения имеют положительный характер. "Отрицательное" ощущение у нас на самом деле вовсе не отрицательное, оно вторично по отношению к положительному и возникает, когда один признак "замещается" другим, несовместимым с ним. В мире, в котором были бы возможны два вида ощущений, непосредственно данным живым существам, необходимо царствовала бы неаристотелева логика. Иначе говоря, согласно Н.А. Васильеву, логические законы и принципы в первую очередь определяются природой познаваемых объектов, они зависят от характерного для них опыта, в который включен субъект, т.е. они эмпиричны.

Соотнося генезис логических законов с некоторой "воображаемой" реальностью и связывая их интерпретацию с особенностями психической организации соответствующих познающих субъектов, Н.А. Васильев настойчиво проводил мысль о примате онтологического аспекта логики, о том, что материальные условия дифференцируют логику на подчиненные ей частные логики. Изменяя онтологию, комбинируя свойства реальности, можно получать различные "воображаемые" логики, поскольку "метод воображаемой логики позволяет экспериментировать в логике, устранять известные логические положения и смотреть, что из этого выйдет"[37, с. 20].

"Приемы логики, - утверждал В.А. Снегирев, - в исследовании своего предмета вполне аналогичны с приемами психологии и других наук.... Их (логику и психологию - В.Б.)...нужно прежде всего причислить к наукам о человеке и дать им эпитет антропологичыеских или гуманных" [38, с. 433].

Весьма отчетливо психологические установки заметны и, более того достигают некоторой крайней точки у И.И. Ягодинского, который поставил задачу в своей книге "Генетический метод в логике" [23] показать, каким образом логическое возникает на определенной стадии эволюции человека.

"Логичность присуща какой-нибудь специальной функции нашего Я - писал И.И. Ягодинский. Такая функция есть функция суждения" [39, с. 324]. Все основные законы логики по Ягодинскому представляют эквивалент аксиомам психологии (там же, с. 325-327).

"К разделу генетической психологии по своему внутреннему смыслу непосредственно примыкает генетическая логика, - утверждал И.И. Ягодинский. Низшая логическая форма т.е. наиболее простая, свойственная, например, возрасту самого раннего детства, является подвижной в том смысле, что может повторяться на любой ступени развития личности, тогда как форма высшая относительно предыдущих ступеней развития является неподвижной, поскольку она отграничивает данную ступень психического развития от других ступеней. Так, например, разделительный вывод, элементами которого первоначально являются восприятие и единичные представления, может встречаться на всех ступенях развития нашей психики, а силлогизм, куда обязательно входит общее представление, - только на той ступени, на которой встречается это последнее" [39а, с. 216].

Психологическое истолкование природы логики заставило Н.А. Васильева

выделить в логике формальный и материальный аспекты (уровни). Формальный аспект заключается в том, что отрицательное суждение "S не есть P" высказывает ложность утвердительного "S есть P". Материальный аспект связан с тем, что отрицательное суждение формируется из несовместимости признаков предмета или же вытекает из свойства несовместимости предметов. Между тем можно вообразить мир, в котором отрицательные суждения будут формироваться, минуя сравнение предикатов, несовместимость возникает, так сказать, непосредственно, точно так же, как происходит в нашем мире с утвердительными суждениями. В нашем мире, считал Н.А. Васильев, черпается только одно суждение - утвердительное. В мире же другой организации непосредственное восприятие способно давать, например, два суждения - утвердительное и отрицательное.

Аристотелеву логику Н.А. Васильев называл логикой двух "измерений", поскольку в ней допустимы только два качественно различных суждения. Она - порождение нашей психической организации и нашего мира. Между тем можно представить более сложно устроенные миры и отвечающие им более сложно организованные психики существ этих - воображаемых - миров. Поэтому мыслимы логики K-измерений с K-качественно различными суждениями. Значит, и стержневые положения этих логик обязаны быть иными - в них не будет действовать закон (не)противоречия, закон исключенного третьего должен быть заменен на закон исключенного четвертого или закон исключенного пятого и т.д. [41].

Таким образом в данном случае психологические установки Н.А. Васильева, - установки, которые у других представителей аристотелевой парадигмы оказывались препятствием и для заметного прогресса прогресса концептуальных оснований формальной логики, и для ее формализации и математизации, сыграли решающую роль в прорыве к неаристотелевой парадигме.

Хотя психологическое направление в логике в целом было враждебно настроено по отношению к направлению, усматривавшему будущее логики в ее математизации, Н.А. Васильев, вопреки общему настрою психологистов как раз напротив с процессом математизации логики связывал открытие новых горизонтов развития этой науки. Не используя методов математической логики (будучи знакомым с ними в общих чертах) Н.А. Васильев, следуя психологической доктрине, открыл качественно новые - неклассические, неаристотелевы - системы логики, допускающие естественную формализацию в контексте современной неклассической логики [42]. Знаменательно, что на логическое творчество Н.А. Васильева оказали косвенное влияние идеи Ч.С. Пирса [43].

Впрочем, в конце X1X - начале XX века некоторые традиционные логики удалялись от психологизма. А.И. Введенский категорически настаивал на абсоблютной независимости логики и особенно подчеркивал ее независимость от психологии: "прежде всего следует отграничить ее (логику -В.Б.) от психологии, которая изучает мышление безоценочно, как факт, тогда как логика рассматривает мышление только оценочным образом, оценивая годность

каждого способа мышления для расширения знания" [44, с. 6]. На эту мысль Введенского обращает особое внимание в своей рецензии Н.О. Лосский [45, с. 4].

ЭМПИРИЗМ И АНАЛИЗ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА В СУДЬБЕ КАЗАНСКОЙ ЛОГИКИ И ФИЛОСОФИИ

Психологизм, характерный для логиков России, в Казани дополнялся и в определенной мере развивался в традиции эмпиризма, заложенной еще А.С. Лубкиным и достаточно последовательно воспроизводившийся поколениями Казанских мыслителей - философов, логиков, естествоиспытателей. Эта традиция во многом питалась интересом к философии И. Канта, - интересом, возбужденным опять-таки А.С. Лубкиным.

Дело в том, что в 1805 г. в журнале "Северный вестник" [40] А.С. Лубкин публикует "Письма о критической философии" в которых впервые в русской философии подвергается анализу философская система Канта и в частности критикуется его априоризм именно с точки зрения эмпиризма в духе Ф. Бэкона и Кондильяка. "Философия Канта, - писал А.С. Лубкин, - настолько прославилась, или столько наделала шума, что почти опсано явно обнаруживать об ней свое мнение". Между тем нельзя не видеть в этой философии "некоторых важных неясностей и недоказанных положений" [46, № 8, с. 184]. "То правда, - продолжает А.С. Лубкин, - что явления опытов, всегда заключают в себе много разнообразного и изменяющегося, однако ж нельзя отрицать и того, чтоб в них не было одинакового и общего, несмотря на их изменяемость. В противном случае Физика была бы не что иное, как только мнимая наука. А постоянные явления во всех опытах суть пространство, продолжение, или время, кроме же их непроницаемость, упорность, тяжесть тел, и многие другие. Так посему надлежало бы заключить, что и последние понятия имеем мы не от опыта, а что оные основаны в самой науке?... После всего можно сказать, что желательно бы было дабы славное учение критической философии о времени и пространстве основано было на лучших доводах, нежели - каковые для утверждения его приводятся. Ибо оные ничего почти не доказывают" [там же, с. 198-199].

И в комментариях к выполненному (совместно с П. Кондыревым) переводу книги Г. Снелля "Начальный курс философии" (Ч. 1-5, Казань, 1813 - 1814) А.С. Лубкин выдерживает линию эмпиризма. Рационализму Канта А. С. Лубкин противопоставляет взгляд, согласно которому знания черпаются из опыта и оформляются чувствами человека [см. также: 47].

К философии Канта А.С. Лубкин обратился и в своей актовой речи 1815 г. "Рассуждение о том, возможно ли нравоучению дать твердое основание, независимо от религии" [46а]. А.С. Лубкину возразил также в актовой речи "Рассуждение о разных системах нравоучения, сравненных по их началам" [48]. Его последователь по кафедре философии адъюнкт И.Е. Срезневский,

который в противовес А.С. Лубкину отстаивал позицию Канта о связи морали, нравоучения и религии. Юрист Г.И. Солнцев (1786 - 1866), читавший в университете курс естественного права обвинялся М.Л. Магницким в распространении идей "Критики практического разума" Канта и, вообще, вольнодумии. В 1821-1823 гг. над Г.И. Солнцевым Магницким был устроен своего рода суд, завершившийся удалением Солнцева из Казанского университета.

Весьма сильный интерес к Канту испытывал физик Ф.К. Броннер (1758 - 1850), в течение нескольких лет работавший в Казани от которого о Кантовских взглядах мог услышать и Н.И. Лобачевский.

А.И.Смирнов в 1890 г. читал годичный курс, посвященный философии И.Канта [ЦГА РТ, ф. 977, оп. Совет ист.-фил.фак-та, д. 1769, с. 28]. "Эмпиризм все-таки ближе к истине (нежели кантианская концепция - В.Б.), - замечал А.И. Смирнов. Главное его положение, что математические истины основываются на опыте следует считать верным". И затем он продолжает:" Исследования неогеометров (так Смирнов назывет последователей неевклидовой геометрии - В.Б.) подтверждает по крайней мере основной тезис эмпирической теории, именно, что аксиомы геометрии суть фактические истины, имеющие опытное происхождение и в своей достоверности опираются на опыт [5а, с. 67-68]. "Опыт есть и источник знания и критерий его достоверности.... Аксиомы геометрии не составляют исключения из этого общего правила. Они суть истины опытные", - писал А.И. Смирнов [5, с. 2].

Так зародилась в Казани традиция эмпиризма, доминировавшая у казанских мыслителей, а также внимание к кантовским идеям.

Эмпиризм вообще был довольно-таки популярен у русских логиков, которые иногда даже предлагали своего рода математические доказательства эпиричности законов логики и аксиом математики [см.: 26, с. 83-85].

Не разделяя основоположений теории познания Канта, между тем они были в целом солидарны с кантовским видением статуса логики как отдельной самостоятельной части (области) философии, достойной особой разработки. Как известно, последователи Гегеля и Шеллинга были склонны полностью подчинять логику философии, по существу растворяя логику в философии, лишая ее самоценности и, стало быть, возможности саморазвития.

"Психология и логика, - писал В.А. Снегирев, - суть науки философские ...." Однако "легко видеть, что они свободны от всяких умозрений, неразлучных с философию, и суть чисто опытные, совершенно самостоятельные, независимые от философии, науки...." [38, с. 427].

Заслуживает упоминания то обстоятельство, что Н.И. Лобачевский также как и другие казанские мыслители по-видимому симпатизировал эмпиризму: он строил свою "воображаемую" геометрию, исходя не из абстрактных понятий, а из конкретного эмпирического факта - соприкосновения тел. Да и кредо свое он выражал с помощью высказывания Ф. Бэкона:" Оставьте трудиться напрасно, стараясь извлечь из разума всю мудрость. Спрашивайте природу, она хранит все истины и на вопросы Ваши будет отвечать Вам

непременно и удовлетворительно". "Первыми данными, без сомнения, будут всегда те понятия, которые мы приобретаем в природе посредством чувств, - писал Н.И. Лобачевский, - ум должен приводить их к самому меньшему числу, чтобы они служили "твердым основанием в науке" [49, с. 231]. Такая мировоззренческая ориентация Лобачевского вовсе не препятствовала, а, наоборот, предполагала особый акцент на необходимости выработки и поддержания строгих канонов математического доказательства, на пристальном внимании к основаниям научного знания.

Неслучайно Лобачевский тщательно конспектировал книгу Кизеветтера [10], представителя кантовской школы логической мысли [см: 50, с. 207-215]. Именно логические знания необходимы в упорядочении оснований знания, пересмотр которых в случае геометрии и позволил создать неевклидову геометрию.

Существуют веские аргументы в пользу того, что уже в 1815 г. Лобачевский был знаком и с "Критикой чистого разума" Канта, не разделяя, впрочем, взглядов последнего на природу математики [50, с. 208].

Придерживаясь позиций ассоциативной психологии, на эмпирическом происхождении законов формальной логики настаивал и М.М. Троицкий. Эмпиризм активно поддерживался также А.И. Смирновым, который, кстати, во второй половине Х1Х века читал ГОДОВОЙ курс лекций, посвященный философии Канта. Существует мнение, что эмпиризм обязан своей популярности в России распространенности идей английского позитивизма [см.: 51, с. 115].

Эмпиризм, стимулировавшейся критикой априористских моментов в философии Канта и одновременно поддержка взглядов Канта на независимый статус логики, ее самостоятельность в рамках философии, психологизм, который в истолковании Н.А. Васильева позволил дать абрис неаристотелевой парадигмы в логике, - все это наиболее ХАРАКТЕРНЫЕ черты русской логико-философской мысли, развивавшейся в Казани едва ли не с самого основания Казанского университета в 1804 г.

Необходимо несколько слов сказать и о стиле логических работ, выполняемых в рамках аристотелевой парадигмы логики в XIX веке. Дело в том, что основной массив трудов по логике носил монографический характер, причем эти труды имели довольно-таки жесткую проблематическую структуру - в них должны были быть, скажем, представлены теории понятия, суждения, умозаключения, причем каждая из теорий обладала почти стандартным набором вопросов. Поэтому структура и во многом даже содержание логических работ трансформировались от одного поколения логиков к другому (неслучайно, И. Кант утверждал, что логика со времени Аристотеля не сделала ни одного шага вперед и что она, по всей видимости, кажется наукой вполне законченной [52, с. 9]). При таком положении вещей нововведения были в основном возможны лишь при рассмотрении отдельных вопросов.

Так, например, А.С. Лубкин в своей трактовке простого категорического силлогизма исходил из иного, не общепризнанного оснавания классификации

фигур силлогизма. Если обычно классификация фигур базируется на учете местоположения среднего термина, то А.С. Лубкин полагал, что нужно учитывать не его местоположение, а способ использования. Особый акцент А.С. Лубкин делал на третьей фигуре, называя ее "отражением" и в соответствии с его интерпретацией фигур и смысла умозаключения помещал ее за "наведением" (т.е. индукцией). В.А. Снегирев же рассматривает закон исключенного третьего как производный от закона (не)противоречия, а не как независимый принцип логики; в же теории суждений он придерживался позиции, близкой к теории отношений, поскольку по его мнению любое суждение образуется из двух идей, которые связываются третьей идеей (отношения между первыми идеями).

М.М. Троицкий затрагивал в своих трудах все разделы традиционной логики, но все-таки особое внимание уделял теории индукции, которую он включал в логику "начал" (т.е. основных принципов логики) и стремился развить прежде всего идеи Бэкона-Милля [53, с. 22]. У Е.А. Боброва [54] в теории понятия в процессе описания операций "разделения" и определения понятий возникает новая для традиционного изложения логики проблема - проблема природы научных абстракций, почти полностью отсутствовавшая в "классических" курсах этой дисциплины.

Таким образом не только логики России, но и логики Казани в своих работах затрагивали едва ли не все области традиционной логики, а исследования П.С. Порецкого внесли существенный вклад в развитие логики математической.

К концу XIX - началу XX столетия стиль изложения в логике и философии претерпевает изменения в том смысле, что преимущественно монографические труды, посвященные освещению логики "в целом", рассмотрению всех ее разделов, все больше уступает место публикации уже оригинальных исследований и результатов посредством статей в журналах, число которых быстро росло в начале XX века.

Вследствие нарастания количества разного рода "аномалий", выражавшихся в различных трактовках и интерпретациях тех или иных вопросов, проблем, а также "внешней" критики основных законов логики со стороны приверженцев диалектического метода мышления аристотелева парадигма теряла свою прочность. Даже ее переход в качественно новое состояние благодаря развитию математической логики не спас эту парадигму от рождения в ее недрах неаристотелевой парадигмы, которая сразу же оформилась в виде неклассических разделов математической логики.

НАЧАЛО АТОМНО-КОМПЬЮТЕРНОГО ВЕКА

В начале XX века на кафедре философии Казанского университета логике уделяли большее или меньшее внимание Н.А. Васильев, в своей воображаемой логике предвосхитивший современную неклассическую логику, А.Д. Гуляев, читавший обширный курс традиционной логики [31], В.Н. Иванов-

ский, А.О. Маковельский. К вопросам логики в первую очередь в связи с развитием теории множеств большой интерес испытывал видный математик, историк математики и общественный деятель А.В. Васильев (1853 - 1929) и именно он посоветовал П.С. Порецкому заняться математической логикой [55, 56]. П.С. Порецкий в одной из своих работ особо отмечает это обстоятельство: "Считаю своим приятным долгом выразить искреннюю признательность проф. А.В. Васильеву, из бесед с которым я ВПЕРВЫЕ (выделено мною. - В. Б.) узнал о существовании математ. логики и парадоксальных формул $A + A = A$ и $AA = A$, лежащих в ее основании, и который доставил мне возможность иметь в своем распоряжении весьма редкое сочинение Буля (первого автора по математ. логике)" [29 , с. XXIV].

В отзыве на программу преподавания математической логики, составленной Порецким (1887), А.В. Васильев пишет, что "считаю преподавания ее весьма полезным.... Математическая логика есть одна из ветвей общей науки об операциях и в этом отношении заслуживает внимания математиков. В этом заключается причина того, что рассматриваемая отрасль знания разрабатывается математиками, как например Булем, Шредером, Грассманом, Пирсом и др.... Основные понятия математической логики в значительной степени уясняют основные теоремы математической теории." [ЦГА РТ, ф. 977, оп. Совет физ.-мат. фак-та, д. 1099, с. 43; см. также: 40].

Позже ученик А.В. Васильева математик Н.Н. Парфентьев активно сотрудничал с Н.А. Васильевым и в 1914 г. они читали совместный курс лекций "Пограничные области логики и философии математики" (с ними в этом сотрудничал и Ю.Г. Рабинович, впоследствии ставший крупным физиком, специализировавшимся в релятивисткой физике).

Н.А. Васильев в 1921 г. читал и совместный с В.И. Несмеловым курс по истории мировоззрений. В.И. Несмелов с октября 1920 года по сентябрь 1922 года являлся профессором истории, философии и логики Казанского университета (хотя в течение почти года ему было запрещено читать лекции).

До октябрьского переворота 1917 г. жизнь в Императорском Казанском университете текла вполне размеренно и, так сказать, респектабельно. Ее размеренное течение лишь время от времени нарушалось какими-то экстраординарными событиями, например сходками, в которых принимали участие и профессора, и студенты, поддерживавшие или выдвигавшие те или иные (политические, экономические и т.д.) требования. Так, в такого рода сходке в декабре 1887 г. принял участие профессор А.В. Васильев. Эта сходка впоследствии получила в СССР известность благодаря участию в ней студента 1 курса юридического факультета В.И. Ульянова. В аналогичной сходке 11 марта 1901 г. участвовал и Н.А. Васильев [см. 15, с. 24-25]. Но такие события нечасто будоражили жизнь университета, в котором на рубеже Х1Х и ХХ вв. работало примерно 100 чеовек профессорско-преподавательского состава и насчитывалось 500-600 студентов.

Университет живо откликался на различные события в культурной и научной жизни России и мира: наиболее выдающиеся деятели науки, куль-

туры и государства удостаивались звания почетного члена университета (скажем, в 1875 г. в почетные члены Казанского университета был избран вице-президент Петербургской Академии науки В.Я. Буняковский, а в 1885 г. - К.В ейерштрасс), посылались приветственные адреса (скажем, в 1886 г. такой адрес был послан Гейдельберскому университету, а в 1900 г. Краковскому университету в ознаменование 500-летней годовщины их существования), неукоснительно поддерживалась память о тех, кто пусть даже непродолжительное время был связан с университетом (скажем, 30 марта 1899 г. в университетско церкви была отслужена панихида по скончавшемуся 22 марта заслуженному ординарному профессору Московского университета М.М. Троицкому, в 1867-1870 гг. состоявшему профессором Казанского университета). Столь же размеренная жизнь была присуща и Казанской духовной академии.

Наиболее видные труды зарубежных ученых, как правило, переводились и издавались в России. Так, русский читатель был знаком с трудами ведущих европейских логиков - Дж. Милля, У.С. Джевонса, Л. Кутюра, Х. Зигварта, Г. Грассмана, Б. Рассела, Г. Кантора, А. Пуанкаре, В. Вундта и др. Если какие-то работы не переводились, то они во всяком случае имелись в библиотеках ведущих университетов.

Научная жизнь (в том числе процедуры защиты диссертаций) находила достаточно полное отражение в общедоступных периодических изданиях. Так, доклад Н.А. Васильева "Неевклидова геометрия и неаристотетева логика", сделанный 13 января 1911 г. был подробно описан в нескольких номерах газеты "Камско-волжская речь", а объявление о докладе давались и в других газетах [подробнее см.: 15, с. 80-86].

Все смешалось в конце 1917 г., хотя еще какой-то период (несколько месяцев) размеренная жизнь продолжалась как бы по инерции.

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ "ФИЛОСОФИЦИД"

Октябрьский переворот 1917 г. привел не только к резкому ухудшению ситуации в России и гражданской войне, но и к резкому ухудшению положения высшей школы. Профессора и преподаватели просто бедствовали, хотя занятия не прекращались. В 1918 г. закрывается Казанская Духовная семинария, а в 1920 г. и Духовная Академия. В 1920 - 1921 г. руки большевиков дотянулись непосредственно до университетов. Наступила эпоха, которую можно было бы назвать эпохой большевистского "филофицида".

Формально ученые степени были упразднены в 1918 г. Однако все же защиты происходили, но ученые советы голосовали за формулировку: "Считать (или не считать) диссертацию успешно защищенной". Фактически ученые степени были восстановлены в конце 1921 г. [57, с. 74-75].

В 1922 г. на Запад поплыли "философские" пароходы, вынужденными пассажирами на которых были и казанские ученые - А.А. Овчинников (ректор университета с января 1921 г., статистик, экономист), И.А. Стратонов

(историк), Г.Я. Трошин (декан медицинского факультета). К 1922 г. историко-филологические факультеты, считавшиеся советской властью рассадниками "буржуазных", а, стало быть, враждебных идей, были закрыты. Они как бы "замещались" факультетами общественных наук. В Казани такой факультет, впрочем, просуществовал недолго. Многие преподаватели и профессора историко-филологических факультетов (даже те, которым профессорские звания были присвоены согласно декрету совета народных коммиссаров в 1918 г.) были из университетов удалены. Так, был отправлен на пенсию - в возрасте, заметьте, 42 лет - Н.А. Васильев. В Баку уехали А.Д. Гуляев и А.О. Маковельский, в Минск (через Самару) - В.Н. Ивановский. Был вынужден покинуть Казань и И.И.Я годинский.

Молодой профессорский стипендиат (1919-1921), ученик Н.А. Васильева К. И. Сотонин (1893 - 1944) был вынужден уйти в институт Научной Организации Труда. В 1929 г. он был репрессирован и осужден на три года. Своего рода доносом, предшествовавшим аресту, явилась статья И.М. Бурдянского "Чуждая, вредная философия К. Сотонина" [58]. После выхода на свободу он смог устроиться только в деревне Гребени под Казанью по специальности химика. Он уже ничего не писал, никого не учил, не пытался найти работу ближе к своим интересам [59].

В 1920 г. ряд факультетов Казанского университета, в том числе и факультет общественных наук, были приглашены в Симбирск, с целью включения в состав нового университета. Совет факультета даже принял решение о целесообразности такого перебазирования. Однако университет в Симбирске существовал недолго, и идея перебазирования не реализовалась.

Преподаватели и профессора как могли отстаивали внутриуниверситетский уклад жизни, спасали от безработицы коллег из Духовной академии, боролись за попавших в опалу коммунистической власти. Так, были приняты на работу в университет В.А. Керенский. М.Н. Ершов, а чуть раньше В.И. Несмелов - профессора Духовной академии. Совет университета постановлял:" а) пригласить в качестве временного преподавателя по кафедре философии профессор В.И. Несмелова, не подвергая его обычной, установленной для соискателя этого звания промоции, ввиду наличности у него солидных научных трудов и числящегося за ним долговременного стажа преподавания в в.у.з.; б) принимая во внимание исключительные заслуги профессора В.И. Несмелова и необеспеченность преподавания философских предметов на факультете, поручить ему В.И. Несмелову в 1920-21 учебном году чтение курсов логики 2 часа и истории новой философии 2 часа в неделю" [ЦГА РТ, ф. 1337, оп. 1, с. 103].

В.И. Несмелов заполняет анкету (вообще, советская власть требовала массу анкет, и написание анкет в вузах стало частым и привычным делом). В ней отмечается, что ему 59 лет, специальность - "учено-учебная работа", стаж - 34 года, ученая степень - "высшая", приводится список основных трудов, в качестве учеников называются А.Д. Гуляев, М.Н. Ершов, Я.Д. Коблов (во Владивостоке), И.И. Сатрапинский (в Перми) [ЦГА РТ, ф. 1337, оп. 27,

д. 16, с. 186].

Вскоре, однако, В.И.Несмелову запретили чтение лекций.

Коллеги по кафедре философии после запрета на чтение лекций В.И. Несмелову обосновывали незаменимость и безусловную полезность преподавания В.И. Несмелова. В ход были пущены даже административные "ухищрения". Так, в явочном порядке Ученый совет факультета общественных наук (ФОН) на заседании от 20 июля 1921 г. постановид: "Ввиду того, что профессора бывшего историко-филологического факультета - В.А. Керенский, В.И. Несмелов и К.В. Харлампович не утверждены профессорами ФОН, а между тем имеющиеся в плане преподавания курсы не могут быть обеспечены преподаванием без означенных лиц... - поручить всем троим на правах временных преподвателей ведение...общих курсов...." В.И. Несмелову поручались курсы логики и истории мировоззрений на правовом факультете [ЦГА РТ, ф. 1339, оп. 27, д. 11, с. 44]. К.И. Сотонин обращается в Совет ФОН со следующей запиской, призывающей решить вопрос о чтении лекций В.И. Несмеловым принципиально: "В.И. Несмелов - один из наиболее оригинальных и выдающихся русских мыслителей и то, что он был профессором в духовной академии, отнюдь не уменьшает его заслуг перед наукой. Все сочинения В.И. Несмелова несут след большого критического ума и совершенно чужды ненаучной догматичности и правоверной безапелляционности .... Историческая объективность профессора Несмелова не раз проявлялась в том руководстве, которое он давал своим немалочисленным ученикам.... Такому руководителю в области историко-философских наук мог бы позавидовать не один университет; и понятно, что пройдя школу В.И. Несмелова, его ученики чувствовали затхлость, научную фальшивость академической псевдонауки и стремление перейти в свободную высшую школу....

Но с наибольшим блеском талант профессора Несмелова раскрылся в теоретических сочинениях, посвященных преимущественно вопросам теории познания.... Главное сочинение "Наука о человеке"...создало В.И. Несмелову всероссийскую известность как вполне самобытному мыслителю. То, что эта книга Несмелова выдерживает два издания, показывает, что мы имеем здесь дело с выдающимся явлением в области философской мысли.... Если бы он писал не на русском, а на одном из западно-европейских языков, он имел бы мировое имя.

В.И. Несмелов чужд ортодоксальности религиозного мировоззрения. Он еще не сказал своего последнего слова, и можно было бы надеяться, что получивши, наконец, возможность свободного развития своих воззрений с университетской кафедры, он даст нам ряд новых блестящих трудов, но неожиданное увольнение разрушает эту надежду и лишает В.И. Несмелова возможности выявить свое творчество, принуждая его тратить свои ценные силы на бесплодную канцелярскую работу для добывания средств к существованию" (11 ноября 1921 г.) [ЦГА РТ, ф. 1337, оп. 27, д. 13, с. 82-84].

Нельзя не заметить в приведенной записке элементы нарождающегося "новояза" - ненаучная догматичность, правоверная безапелляционность и т.д. Их требовали соображения убедительности, призванные воззвать к чувствам

и настроениям новых властей, "обласкать" их своей знакомостью и лояльностью.

Тем не менее осенью 1922 г. по решению Народного Комиссариата по просвещению РСФСР В.И. Несмелов был исключен из списка преподавателей создававшегося вместо историко-философского факультета факультета общественных наук. На его руках осталось четверо детей и жена. Годом раньше пайковая комиссия ходатайствовала о назначении В.И. Несмелову и В.А. Керенскому, лишенных академического пайка, этого пайка "ввиду их незаменимости" [ЦГА РТ, ф. 1337, оп. 27, д. 11, с. 58]. Паек Несмелову был ранее назначен по четвертой (низшей) категории [ЦГА РТ, оп. 27, д. 16, с. 144].

В конце мая 1922 г. Н.А. Васильев обратился в Совет Казанского университета с ходатайством о предоставлении ему командировки на год с 1 июля в Москву, Петроград и по возможности за границу. По всей видимости Н.А. Васильев отчаялся получить в Казани и Советскай России возможность нормально работать. Ко всему прочему тяжелая обстановка крайне неблагоприятно отражалась на его психическом здоровье. Этот же Совет рассмотрел заявление К.И. Сотонина о желательности поручения профессору Несмелову приема зачетов от студентов ввиду того, что он перегружен работой по преподаванию и приему зачетов [ЦГА РТ, ф. 1337, оп.2 7, д. 15. с. 23]. И хотя Совет удовлетворил ходатайства и Васильевва, ощущавшего невозмож-ность оставаться в Казани, и Сотонина, ощущавшего, что вскоре он может остаться единственным преподавателем философии в Казани, планам их авторов не суждено было сбыться.

М.Н. Ершов перебрался во Владивосток, а затем в Харбин. Во Владивостоке он публикует работу, написанную еще в Казани "Анти-интеллектуалисткое движение в современной филосифии" [60], в которой с сожалением отмечал "падение кредита рационализма", в результате чего наблюдается "уклон в сторону христианско-платонического онтологизма" [там же, с. 15].

Фактически последними логическими и философскими работами, опубликованными казанцами, были короткие рецензии К.И. Сотонина на логические сочинения Н.О. Лосского и С.И. Поварнина [61, 62], а последним всплеском - тезисы конечно же не состоявшегося доклада Н.А. Васильева на V Международном философском конгрессе в Неаполе в 1924 г. [63].

Итак, логическая и философская мысль Казани перестала не то, что биться, - даже существовать. Полет логико-философской мысли, который обещал быть еще более высоким, был прерван.

Россию покинули и такие оригинальные логики из Одессы как И.В. Слешинский (1854 - 1931), который уехал в Краков и Е.Л. Буницкий (1874 - 1952), который уехал сначала в Белград, а затем в Прагу [см.: 65, с. 51-53]. Большевистское правительство высылает И.И. Лапшина (1870 - 1952) и Н.О. Лосского (1870 - 1965) - крупных русских логиков.

Россия погружалась в интеллектуальную тьму, почти полностью поглоти-

вшую гуманитарное знание (за исключением, пожалуй, лишь ряда разделов психологии) и философское в первую очередь. Для логики оставалось единственное прибежище - в математике или под плотным покровом математики [64]. Философская почва очень скоро оказалась иссушенной идеологическим суховеем, который родился в московском Кремле в момент поселения в нем Советского правительства. Только редким растениям мысли удавалось пробиться сквозь идеологический наст, причем часто они пробивались используя нефилософские, так сказать, прикрытия. Иногда эти растения, питавшиеся в общем-то марксистскими соками, давали, как это, например, случилось с психологией, удивительные плоды. Революционный энтузиазм увлекал своим стремительным потоком и далеких от марксизма ученых. В качестве же не эвристической "подсказки", а господствующей официальной идеологии марксизм-ленинизм подавлял живую мысль и тем самым опустошал интеллектуальную ниву России, особенно в случае гуманитарного знания.

ПОСЛЕ 1922 ГОДА: ПАНОРАМА СОБЫТИЙ

К концу 1922 г. был распущен и непокорный Ученый совет Казанского университета, а студенческие старостаты были распущены еще летом 1919 г., и представительство в коллективах было предоставлено студенческим группам РКП(б) и "другим партиям, стоящим за Советскую власть".

Большевики взяли под свой сверхжесткий контроль все высшее образование и мысль, еще бившуюся в Казанском университете. Был организован новый "Ученый" совет, куда вошли и представители РКП(б). На заседании этого совета 2 марта 1923 г., на котором присутствовали также и заведующий рабочим факультетом, представитель Комслужа, заместитель председателя Совнаркома, Татнаркмпроса, нарком Внутдела, Всеработпроса, бюро Комстуда областкома (им являлся Бурдянский, который в 1929 г. напишет донос на К.И. Сотонина), одним словом, новая коммунистическая номенклатура был принят новый Устав университета и ходатайство бюро ячейки РКП(б) о переименовании Казанского университета в Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова (Ленина).

Ректор предложил совету принять это предложение ячейки. Предложение принимается единогласно. Представитель Горсовета предлагает послать телеграмму на имя Ленина в следующей редакции:"Совет Казанского университета в своем ПЕРВОМ заседании единогласно постановил: именовать впредь Казанский университет: ...имени...Совет надеется, что сплоченной работой на благо советской республики ему удастся на трудовом научном фронте стать достойным имени Великого пролетарского борца". Принимается единогласно. Затем вносится предложение ознаменовать 1-ое торжественное заседание совета университета избранием в почетные члены совета КГУ В.И. Ульянова (Ленина). Предложение принимается единогласно [ЦГА РТ, ф. 1337, оп. 1, д. 72, с. 2].

В Резолюции того же самого заседания совета констатировалось, что

"научные силы университета скудеют: одним умирают, другие бегут, ища, где лучше...жилища профессоров и преподавателей подвергаются уплотнению" [там же].

Атмосфера в старых стенах Казанского университета резко изменилась. Университет зажил новой жизнью. Вскоре на его фронтоне появилась и надпись арабской вязью. В 1931 г. был уничтожен памятник Г.Р. Державину, стоявший в саду рядом с университетом. Державин-губернатор был ненавистен и татарским националистам и большевикам, он заслонял собой Державина-поэта.

Еще в 1921 г. в журнале "Казанский библиофил" появилась рубрика "Россия за рубежом", а содержание рубрики "Что потеряла русская наука за три года" потрясало объемом, тяжестью и трагизмом потерь. Но впереди был только 1922 г. Кто же мог тогда предположить, что за последующие годы человеческие и интеллектуальные утраты России достигнут высот Эвереста?

Почти с самого начала выхода в 1922 г. нового журнала, установившего фактически полную монополию на философскую мысль, - журнала "Под знаменем марксизма" - стали обыкновенными нападки на представителей "старой" интеллигенции, не понимавшей, так сказать, глубины философии марксизма-ленинизма. Например, в том же 1922 г. В. Тэр-Оганесян утверждал, что "Профессор Васильев (имеется в виду А.В. Васильев - В.Б.) в своей книге "Целое число (Пг., 1922) нисходит до критики Энгельса и его "мистической диалектики", совершенно не понимания сути вопроса" [66, с. 212]. Между тем в своей критике Ф.Э нгельса А.В. Васильева едва ли не на полвека опередил соответствующую обстоятельную работу Ж. ван Хейеноорта, показавшего примитивность (да и просто ошибочность) воззрений Энгельса на диалектику в математике [67].

С 1922 г. развернулось марксистское переосмысление формальной логики, сопровождавшейся обычно уничтожающей критикой ее "узких горизонтов" [см.: 68].

Досталось и Н.А. Васильеву. Критикуя т.н. формально-логический подход А. Варьяша, представленный в книге "Логика и диалектика"(М.,- Л., 1928) В. Ф. Асмус писал: "Современная логика стремится к известной эмансипации от закона противоречия. Она признает возможность опущения этого принципа - без ущерба для формальной логики, как таковой. ОДНАКО НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ СЛЕДУЕТ ПРИУМЕНЬШАТЬ прогрессивное значение этих тенденций. "Мета-логика" (Н.А. Васильева - В.Б.) не скрывает ФОРМАЛИСТИЧЕСКОЙ сущности своих задач.... Вредное действие этой книги состоит в демагогических приемах, при помощи которых А. Варьяш стремится не только скрыть от читателя формалистический характер своей логики, но еще внушить ему впечатление, будто бы вся книга разработана в духе диалектики и верна ее началам" [69, с. 44, 62].

Любопытно, что позже В.Ф. Асмус немало сделал для реабилитации и укрепление позиций формальной логики в СССР. Один же из "диалектических логиков" - И.Е. Орлов, получивший инженерное образование в статье

[70] фактически предвосхитил принципиальные положения современной интенсиональной логики.

В 1930 г. в журнале "Фронт науки и техники" появляются рубрики "Методология и практика вредительства", "Фронт идеологической борьбы", которые выражали важнейшие составляющие атмосферы в СССР второй половины 1920-х - 1940-х годов, пронизанную поиском врагов. Удивительно, что в атмосфере подозрительности, насаждаемой большевиками, все-таки билась мысль, а в некоторых, главном образом, естественнонаучных и математических областях она достигала мировых высот [см.: 75, с. 79-98, 156-172].

Зимой 1940 г. Казанский Кремль из окна транссибирского экспресса мог видеть К. Гёдель, перескавший Советскую Россию с тем, чтобы из Владивостока отправиться в эмиграцию в США. Метаморфозы истории на несколько часов до нескольких километров сократили расстояние между великим логиком-классиком К. Гёделем и Н.А. Васильевым, прорубившим окно в высшей степени неклассическое пространство логики, и пребывавшим последние месяцы жизни в психиатрической больнице, спасшей его от сталинского террора. Гёделя впереди ожидал триумф и всеобщее почтение; Васильева же ждало многолетнее забвение, еще не оставившее вполне его имя до сих пор. Оба логика, не слышавшие друг о друге, своими идеями претендовали на вечность.

В 1946 г. согласно пожеланию Сталина во ряде университетов, в том числе и Казанском, были открыты отделения логики и психологии, просуществовавшие, впрочем, всего несколько лет. В Казани выпускники этих отделений фактически не могли заниматься исследовательской работой в области логики. Из логических курсов они вообще слушали только курс общей (традиционной) и истории логики, читавшиеся Д.Г. Морозовым и Л.Л. Тузовым. Последним в 1950 г. в Академии общественных наук при ВКП(б) была защищена кандидатская диссертация по теориям умозаключений М.И. Каринского и Л.В. Рутковского [71]. Диссертантом был сделан вывод, что "Каринский и Рутковский - представители передовой отечественной логики прошлого. В их логических учениях имелись уступки идеализму, непонимание диалектики отношения вещей, а, следовательно, и мышления, однако в целом это была попытка материалистического разрешения проблемы умозаключений" [71, с. 19; см. также: 72, 73].

Как-то автор настоящей работы слышал рассказ Г.П. Щедровицкого, который в свою очередь делился воспоминаниями В.Ф. Асмуса о том, что где-то в 1940 г. ночью Асмуса вызвали в Кремль к Сталину. Сталин посетовал, что его комиссары совсем не умеют мыслить, и их нужно научить логике. Вскоре после начала занятий разразилась Велика отечественная война и комиссары воевали так и не освоив науку о правильном мышлении. Между тем в голове бывшего семинариста идея о пользе логики сохранилась. После войны логика была введена в школах, стали издаваться учебники по логике, поначалу еще существовавшие до 1917 г., а потом и вновь написанные. После смерти отца народов весной 1953 г. на формальную логику обрушилась очередная атака "диалектиков". Логика вновь была изъята из программ школ,

большинства университетов и педагогических институтов и ей было нелегко восстановить свои права на полноценную жизнь в условиях беспредельного господства "живой души марксизма". "Диалектики" рассматривали формальную логику если не как идеологического оппонента, то по крайней мере как чуждую марксизму "метафизическую" систему [см.: 74].

Рассвет забрезжил где-то с 1960-х гг. со стороны математики. Известный алгебраист профессор В.В. Морозов (1910 - 1975) направил ряд своих учеников в Москву и Новосибирск с целью их специализации по дискретной математике, кибернетике и математической логике. Специализация на вопросах кибернетики (Р.Г. Бухараев), теории сложности (Р.Г. Нигматуллин), теории алгоритмов (М.М. Арсланов) и логического программирования (Н.К. Замов) при-вела в конечном итоге к возрождению логики в Казани.

* * *

В завершение работы нельзя не упомянуть то обстоятельство, что в 1910 г. на конкурсе лучших студенческих работ Казанского университета золотую медаль получила обстоятельная работа С.А. Шумова "История кафедры философии и преподавания философских наук в Императорском Казанском университете с 1804 по 1902 г. по печатным материалам и по документам университетского архива" (рецензентом являлся В.Н. Ивановский). Работа С.А. Шумова, к великому сожалению, не сохранилась. Более того. архив университета (особенно то, что касалось студенческой его части) за период советской власти серьезно обеднел. Во время второй мировой войны в Казань был эвакуирован архив АН СССР и для него усиленно расчищалось место: были сожжены тясячи дел, прежде всего студенческих.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить всех, кто помогал мне в работе и в первую очередь сотрудников научной библиотеки Казанского университета им. Н.И. Лобачевского и Центрального архива Татарии.

ЛИТЕРАТУРА И ЗАМЕЧАНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ: ЦГА РТ - Центральный государственный архив республики Татарстан; ЦГИА - Центральный государственный истрический архив (Санкт-Петербург).

1. ЧААДАЕВ П.Я. Сочинения. М.: Правда, *1989*

2. ANELLIS I.H. *Theology against Logic: the origin of logic in Old Russia*, History and Philosophy of Logic 13 (1992), 15-42

3. ARRUDA A.I. *A survey of paraconsistent logic* // Arruda A.I., Chuaqui R., Da Costa N.C.A. (editors), *Mathemetical logic in Latin America*, (Amsterdam/New York/Oxford, North-Holland, 1980), 1-41

4. ВРИГТ Г.Х. фон. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии, 1992, в 8,

с.80-91.

5. СМИРНОВ А.И. Об аксиомах геометрии в связи с учением неогеметров о пространствах разных форм и различных измерений. Речь в торжественном собрании Казанского физико-математического общества, посвященного памяти Н.И. Лобачевского. 24 октября 1893 г. Казань, 1894.

5а. СМИРНОВ А.И. Публичные лекции по философии наук. Основные понятия и методы наук физико-математических. Казань, 1896.

6. Спутник по Казани / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань. Типолитогр. имп. Казан. ун-та, 1895

7. БОБРОВ Е.А. Философия в России. Казань,1899. Вып.2.

8. ВАСИЛЬЕВ Н.А. Рец. на кн.: Радлов Э. Очерк истории русской философии. Петроград, 1921 // Казанский библифил. 1921. N 2. С. 98-100.

9. Лекции г-на адъюнкта И.Е. Срезневского, записанные М. Степановым //Отдел редких рукописей и книг Казан. ун-та, рук. 3381/6

10. KIESEWETTER J.C.C. *Logik zum Gebrauche für Schulen.* Berlin, 1796

11. Сборник постановлений Министерства Народного Просвещения. Т. III, СПб. 1855.

12. ВВЕДЕНСКИЙ А.И. Судьбы философии в России // ВВЕДЕНСКИЙ А.И., ЛОСОВ А.Ф., РАДЛОВ Э.Л., ШПЕТ Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск, Изд-во Урал. ун-та, 1991, с. 26-62.

13. БОБРОВ Е.А. Философия в России. Казань, 1901. Вып. 5.

14. МАЙКОВ В.Н. Сочинения. Т.2. Киев. Изд-е Б.К. Фукса. 1901.

15. БАЖАНОВ В.А. Николай Александрович Васильев (1880-940). М.: Наука, 1988.

15а. СМИРНОВ В.А. Логические взгляды Н.А. Васильева // Очерки по истории логики в России. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1962. с. 242-257; БАЖАНОВ В.А. Становление и развитие логических идей Н.А. Васильева // Философские науки, 1986, № 3, с. 74-82; БАЖАНОВ В.А. Н.А.Васильев: жизнь и творчество // Н.А.Васильев. Воображаемая логика. М.: Наука, 1989 с. 209-228.; БАЖАНОВ В.А. Профессор Казанского университета Н.А. Васильев как ученый, мыслитель, создатель воображаемой логики. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990.; БАЖАНОВ В.А. У истоков неклассической логики // Закономерности развития современной математики. М.: Наука, 1987. с. 201-208; БАЖАНОВ В.А. Н.А. Васильев и оценка его логических идей Н.Н. Лузиным // Вопросы истории естествознания и техники, 1987, № 2, с. 79-86; BAZHANOV V.A. *The making and development of N.A. Vasil'ev's logical ideas* // Abstracts of VIII International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science. Moscow: Nauka, 1987. Vol. 3, pp. 45-47; BAZHANOV V.A. *The fate of one forgotten idea: N.A. Vasiliev and his imaginary logic* // Studies in Soviet Thought 39 (1990), 333-344; БАЖАНОВ В.А. Прерванный полет. История логики и философии в Казани до 1922 г. // Татарстан, 1993, № 5, с. 74-80.

16. Автобиография Н.А. Васильева // Архив автора

17. ВАСИЛЬЕВ Н. Значение Дарвина в философии //Камскко-волжская речь. 1909. 30 янв.

18. БАЖАНОВ В.А. Об эвристической роли идей Дарвина в построении вображаемой логики Н.А. Васильевым // Современная логика: проблемы теории, истории и применения. Л.: Изд-во Лениград. ун-та, 1990. Ч.1, с. 7-9; БАЖАНОВ В.А. К вопросу о предпосылках построения Н.А. Васильевым воображаемой логики // X Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки. Минск, 1990, с. 6-7.

19. Отчет о первом годе занятий (1907 г.) профессорского стипендиата по кафедре философии. Казань, 1907 // Науч. б-ка КГУ. ОРРК. Рук. N 5669. 9 с.

20. ИВАНОВСКИЙ В.Н. Отзыв об Отчете о первом годе занятий профессорского стипендиата по кафедре философии Н.А. Васильева // там же, рук. № 6218.

21. ЛУБКИН А.С. Начертание логики. СПб. Тип. Дрехслера. 1807.

22. ЛОДИЙ П. Логические наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного. СПб., 1815.

23. СНЕГИРЕВ В.А. Логика. Систематический курс чтений по логике. Харьков. Тип. А. Дарре, 1901.

24. ЯГОДИНСКИЙ И.И. Генетический метод в логике. Казань. Тип. имп. Казан. ун-та, 1909.

25. ЛЕЙКФЕЛЬД П. Различные направления в логике и основные задачи этой науки. Харьков, 1890.

26. ЖАКОВ К.Ф. Логика с эволюционной точки зрения. СПб. 1912.

27. ТРОИЦКИЙ М.М. Учебник логики с подробными указаниями на историю и систояние этой науки в России и в других странах. М.: Изд-во кн. магаз. Салаевых, 1886. кн. 3.

28. КОЗЛОВСКИЙ Ф. Учебник логики. Киев, 1894. Ч. 1 и 2.

29. ПОРЕЦКИЙ П.С. О способах решения логических равенств и об обратном способе математической логики. Казань. Тип. имп. Казан. ун-та, 1884.

30. ГЛАГОЛЕВ С. Логика и математика // Научное обозрение. 1896, № 8, с. 241-247.

31. ГУЛЯЕВ А.Д. Программа по логике. Казань, 1913.

32. ЛИНДЕ Ф. Строение понятий. Логическое исследование. Петроград, 1915.

33. ШАПОШНИКОВ Н.А. Опыт математического выражения понятий и выводов этики. М.: Русское товарищество печат. дела, 1896; Попытку построить математическую психологию предпринимал Г. Веревский в кн.: Математическая психология. Николаев, 1914.

34. ВАСИЛЬЕВ Н.А. Рец. на кн.: *Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften* in Verbindung mit W. Windelband, herausgegeben von A.Ruge. I Band: *Logik.* Verlag. von I.C. Mohr. Tubingen, 1912 // Логос, 1912-1913. Кн. 1/2. с. 387-389

35. ВАСИЛЬЕВ Н.А. Воображаемая логика. М.: Наука, 1989.

36. ВАСИЛЬЕВ Н.А. Воображаемая (неаристотелева) логика // Журн. мин-ва нар. просвещения. Нов. сер. 1912. Август. с. 207-246.

37. ВАСИЛЬЕВ Н.А. Отчет приват-доцента по кафедре философии императорского Казанского университета Н.А. Васильева о ходе его научных занятий с 1 июля 1911 г. по 1 июля 1912 г. // Науч. б-ка Казан. ун-та, ОРРК, Рук. ь 6217. 34 с.

38. СНЕГИРЕВ В.А. Психология и логика как философские науки // Православный собеседник, 1876, август, с.427 - 451.

39. ЯГОДИНСКИЙ И.И. Основные законы логики и общая задача логики // Вестник образования и воспитания, 1915, апрель, с. 323-330.

39a. ЯГОДИНСКИЙ И.И. Отчет о занятиях за 1911/2 - 1914/5 учебные годы // Обзор деятельности за 1911 - 1915 годы. Курсы при Управлении Казанским учебным округом. Вып. 1. Казань, 1915. с. 212-231.

40. Стоит заметить, что П.С. Порецкий с октября 1884 г. являлся главным редактором политической, экономической и общекультурной газеты "Казанский биржевой листок". Вслед за Д.И. Дубяго, который в некрологе на кончину П.С. Порецкого (Изв. Казан. физ.-матем.ва, 1908, вторая серия. кн. XVI, с. 3) ошибочно указал, что Порецкий был редактором "Казанского телеграфа", Н.И. Стяжкин в своей книге (Формирование математической логики. М., 1967) повторяет эту неточность.

41. СОГЛАСНО А.И. Введенскому, логическая связь есть связь, требуемая законами противоречия и исключенного третьего. При этом законы тождества и исключенного третьего относятся к ЕСТЕСТВЕННЫМ законам мышления, а законы достаточного основания и противоречия - естественными для представлений и НОРМАТИВНЫМИ для

мышления. Противоречие осуществимо только в области представлений, но не в мышлении [см.: 44, с. 234].

42. См. работы А.И. Арруды, В.А.Смирнова и др.

43. BAZHANOV V.A. *C.S. Peirce's influence on the logical work of N.A. Vasiliev*, Modern Logic 3 (1992), 45-51.

44. ВВЕДЕНСКИЙ А.И. Логика, как часть теории познания. СПб., 2-е изд., 1912.

44а. ВВЕДЕНСКИЙ А.И. Логика, как часть теории познания. Пг., 3-е изд., 1923.

45. ЛОССКИЙ Н.О. Логика проф. А.И. Введенского. СПб., 1912.

46. ЛУБКИН А.С. Письма о критической философии // Сев. вестник, 1805, № 8, с. 183-199, № 9, с. 231-248.

46а. ЛУБКИН А.С. Рассуждение о том, возможно ли нравоучению дать твердое основание, независимо от религии. Казань. Тип. имп. Казан. ун-та, 1815.

47. ТУЗОВ Л.Л. Ис истории философской мысли в Казанском университете (Полемика А.С. Лубкина против кантовской философии) // Ученые записки Казан. ун-та, 1956, т. 116, кн. 5, с. 268-272.

48. СРЕЗНЕВСКИЙ И.Е. Рассуждение о разных системах нравоучения, сравненных по их началам. Казань. Тип. имп. Казан. ун-та, 1817.

49. ЛОБАЧЕВСКИЙ Н.И. Полн. собр. соч. по геометрии. Т.1. Казань. Тип. имп. Казан. ун-та, 1883.

50. ВАСИЛЬЕВ А.В. Николай Иванович Лобачевский (1792 - 1856). М.: Наука, 1992.

51. РАДЛОВ Э.Л. Очерки истории русской философии // [12, с. 96-216].

52. КАНТ И. Критика чистого разума. СПб., 1907.

53. СТЯЖКИН Н.И., СИЛАКОВ В.Д. Краткий курс истории общей и мате-матической логики в России. М., Высшая школа, 1962.

54. БОБРОВ Е.А. Историческое введение в логику. Варшава. Тип. Варшав. уч. округа, 1913.

55. БАЖАНОВ В.А., ЮШКЕВИЧ А.П. А.В. Васильев как ученый и общественный деятель // [50, с. 221-226]; БАЖАНОВ В.А. Путь "работы на пользу своего народа" (очерк о проф. А.В. Васильеве) // Татарстан, 1992, № 9-10, с. 94-97.

56. БАЖАНОВ В.А. Новые архивные материалы, касающиеся П.С. Порецкого // Modern Logic 3 (1992), 93-94.

57. СОРОКИН П. Долгий путь. Сыктывкар. Шыпас. 1991.

58. БУРДЯНСКИЙ И.М. Чуждая, вредная философия К. Сотонина // Вестник Казанского института Научной Организации Труда, 1929, № 12, с. 1-5.

59. НЕДОРЕЗОВА И. Гипноз и другая антисоветчина // Казан. ведомости, 1993. 30 марта.

60. ЕРШОВ М.Н. Анти-интеллектуалистское движение в современной философии // Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивосток. Владивосток. Тип. област. земской управы, 1919. Т. 1, с. 1-20; См. также: ВЛАСЕНКО К.И. История русской философии в интерпретации М.Н. Ершова // Вестник МГУ, сер. 7, 1992, № 5, с. 35-45.

61. СОТОНИН К.И. Рец. на кн.: Лосский Н.О. Логика. Ч. 1, Суждение, понятие. Пг. 1922. - 187 с. // Казанский библиофил, 1922, № 3, с. 55.

62. СОТОНИН К.И. Рец. на кн.: Поварнин С.И. Введение в логику. Пг. 1921. - 67 с. // Казанский библиофил, 1922, № 3, с. 55.

63. VASILIEV N.A. *Imaginary (non-aristotelian) logic* // Estratto dagli Atti dei V Congresso internationale di Filosofia, 5-9 maggio, 1924, Napoli. (Naples, 1925), 107-109.

64. 1920-е годы были отмечены блестящими работами по математической логике А.Н. Колмогорова, И.И. Жегалкина.

65. ЕРМОЛАЕВА Н.С. Первые годы русской математической эмигранции // Вопр.

истории естествознания и техники, 1992, № 2, с. 50-61.

66. ТЭР-ОГАНЕСЯН В. Несколько мыслей о диалектике // Под знаменем марксизма, 1922, № 9-10, с. 209-215.

67. ХЕЙЕНООРТ Ж. ван. Ф. Энгельс и математика // Природа, 1991, № 8, с. 91-105.

68. ВАРЬЯШ А. Формальная и диалектическая логика // Под знаменем марксизма, 1923, № 6-7; ОРЛОВ И. Логическое исчисление и традиционная логика, Там же, 1925, № 4; БАММЕЛЬ Гр. К вопросу о логических судьбах теории множеств. Там же. 1925, № 3, 7; ОРЛОВ И. Логика бесконечности и теория Г. Кантора // Там же. 1925, № 3; ГРИБ В. Диалектика и логика как научная методология // Там же, 1928, № 6; БАММЕЛЬ Гр. Ленин и проблема логики в марксизме // Там же, 1929, N 4; ВАРЬЯШ А. Логика и диалектика. М.,-Л., 1928.

69. АСМУС В.Ф. Формальная логика и диалектика (по поводу книги А. Варьяша) // Под знаменем марксизма, 1929, № 4, с. 39-62.

70. ОРЛОВ И.Е. Исчисление предложений // Математический сборник, 1928, Т. 35. Вып. 3-4, с. 263-286.

71. ТУЗОВ Л.Л. Теория умозаключений М.И. Каринского и Л.В. Рутковского. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. М., 1950.

72. ТУЗОВ Л.Л. Из истории борьбы материализма и идеализма в учении об умозаключении (Диспут в Казанском университете о классификации умозаключений Л.В. Рутковского) // Ученые записки Казан. ун-та, 1957, кн. 2, с. 42-47.

73. ТУЗОВ Л.Л. К оценке оснований учения русского логика М.И. Каринсого // Ученые записки Казан. ун-та, 1957, т. 117, кн. 8, с. 107-126.

74. CAVALIERE F. *La logica formale in Unione Sovietica. Gli anni dibattio, 1946 - 1965*, Firenze, La Nuova Italia Editrice, 1990.

75. GRAHAM L. *Science in Russia and the Soviet Union: A short history*, Cambridge, Cambridge University Press, 1993.